

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

в клуб "Юнион"

АНОНСЪ. СОСТОИТСЯ ТОЛЬКО

ВЪЗЛАНОВОЙ БИРЖИ
Въ этомъ домѣ въ страдѣСегодня въ Концертномъ Залѣ
Концертъ Мариі Ивановны Долиной

Х. К. Яцери П. Яцери

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 2 (57)

Март. 2005 год.

Верность
«Юго-Западу»

В марте исполнилось 70 лет поэту и прозаику Ефиму Ярошевскому. И одновременно вышла в Одессе книга (четырёхсотстраничный том!) "Королевское лето". Хорошим подарком и юбиляру, и нам, читателям.

Поэт Ефим Ярошевский владеет лирой, одна из струн которой натянута и настроена им самим. Игра на всех остальных погружает нас, слушателей, в стихию того, что мы зовем поэзией. Когда он трогает эту единственную, она соединяет нас напрямую с живым поэтом. Это, как говорили старые актеры, одного его "сотая интонация". Собственно говоря, она и есть Ефим Ярошевский.

Анатолий НАЙМАН

В Одессе так никогда не писали, но это проза совершенно одесская по меткому слову, бесстрашной самоиронии, мудрому озорству, озорной мудрости...

Александр РОЗЕНБОЙМ

Горькое и неверное ощущение, что жизнь вхолостую — удел не общечеловеческий, а исключительно провинциальный, приводило к такому нарастанию давления в душах, что спасительным клапаном становились эгоцентричные полубезумные исповеди.

Валерий ЧЕРЕШНЯ

Это эпос, сказ о битнической Одессе, о том, что племя художников и влюбленных, литераторов и городских сумасшедших на берегу Черного моря прописано навечно, как бы ни усердствовали обкомы всех партий.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Роман запечатлел рассеявшийся по всему свету круг интеллектуальной творческой элиты провинциального южного города, верность которому автор сохранил навсегда.

Борис ХЕРСОНСКИЙ

От Григория МЫЛДОВА из Мурманска — Леониду РУКМАНУ, в Одессу

Обращаюсь к создателям этого прекрасного сайта! Дорогие друзья! Живу и работаю в Мурманске, где много одесситов. (Сам выходец из 79-й школы.) Хотим объединиться вокруг ВКО. Если это не сложно, то вышлите, пожалуйста, на мой эл. адрес Устав ВКО. Все мурманские одесситы будут вам предельно благодарны...

Мы наконец приняли решение о встрече. Собираемся в областном дворце культуры в субботу, 12 февр. в 16-00. Нас более 20 чел. Организуемся, разбе-

ремся с каждым, выберем руководителей, и тогда я отпишу отчет с фото. Создадим, видимо, клуб при ДК. Вот тогда и проведем для популяризации встречи с журналистами, после чего наша численность резко возрастет...

Народ уже интересуется: а как нам Жванецкого пригласить?..

У нас уже более 30 человек. Посмотрим, кто придет...

12 февр. в 16-00 в Мурманске был создан Клуб мурманских одесситов — КМО. Сейчас у нас 45 человек. Избрали Совет клуба и председателя — Мильдова Триг. Ар-

кад., т. е. меня. В Совет вошло 7 чел. — работаем на перспективу. В следующий раз собираемся для утверждения Устава клуба, избрания казначей и утверждения плана работы на год. Спасибо за поддержку! Заочно я уже всех познакомил с Леонидом Рукманом. Народ требовал в Мурманск Мих. Жванецкого. Тем более что много ребят заканчивало тот же институт, что и Мих. Мих. Если есть возможность, то доложи ему о создании клуба на Кольском полуострове. Кстати, много позиций вашего Устава войдет в наш, мурманский. Мы сделали много снимков и обязательно после проявления пленки пришлем по электронке несколько фотографий.

Григорий.

От Тамары РАПЧУК, США, во Всемирный клуб одесситов К юбилею Павла Михайловича Цауфера

С Павлом Михайловичем Цауфером я, молодой геолог, познакомилась в проектно-институте Гипропром, куда пришла на работу после окончания университета, еще в 1958 году. С группой, состоявшей из геологов, геологов, буровых мастеров, во главе с начальником изыскательской экспедиции Павлом Михайловичем мне доводилось не раз выезжать на изыскательские работы на площадках предстоящего строительства заводов и фабрик в различных республиках б. Советского Союза.

Совсем случайно мы с семьей встретились на западном берегу Америки, в Сан-Франциско. Беспокойная натура Павла Михайловича всегда была в поисках занятий. Он нашел себя и здесь, в совершенно новой для него, незнакомой обстановке.

На берегу Тихого океана он был в числе создателей "Одесского Листка", который стал любимой газетой наших земляков (и не только) и сыграл большую роль в объединении одесситов всех континентов Земли.

Павел Михайлович печатался в "Одесском Листке" и других русскоязычных изданиях Нью-Йорка, Лос-Анджелеса, Сан-Франциско. Его видели на экранах местного ТВ "Руссар" в передачах "О нас с вами", в которых он рассказывал о своих встречах, знакомствах, переписке.

Для встречи с Павлом Михайловичем специально приезжал из Нью-Йорка известный телеведущий компании WMNB Дмитрий Полетаев. Их беседа об арктической и космической коллекциях демонстрировалась на всю Америку и Канаду.

Живя в Америке, Павел Цауфер выпустил три книги. Первую — "Есть город, который..." — к 200-летию родной Одессы. Вторая книга — "И божеество, и вдохновение, и жизнь, и слезы, и любовь" — была посвящена 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Мне удалось присутствовать на презентации этой книги, проходившей в специальном зале городской публичной библиотеки. Зал был полон читателей. Выступавших было очень много. Все они

с большой теплотой высказывались об этой книге, и вообще о творчестве Павла Михайловича Цауфера, отмечая большую познавательность его книг и интерес к ним.

Третья его книга посвящена встречам и переписке с писателями, артистами... Сейчас он работает над ее продолжением.

Мы, бывшие гипропромовцы, благодарны Павлу Михайловичу за его прекрасные человеческие качества, доброту и отзывчивость. Благодаря ему мы не теряем связи друг с другом вдали от родного города, часто встречаемся в разные знаменательные даты. Когда нашему уважаемому бессменному бывшему главному инженеру института Я.М. Мораховскому исполнилось 90 лет, только благодаря инициативе П.М. Цауфера удалось собрать много подписей сотру-

дников в разных городах Америки на юбилейном поздравительном адресе и отправить в Одессу весьма ощутимую для него материальную помощь.

Павел Михайлович преданно любит свой родной город — Одессу — и не прерывает связи со своими земляками, живущими в Одессе и вдали от нее. Он всегда говорит и пишет о ней. Об Одессе и людях, связанных с этой жемчужиной, им опубликовано в зарубежье около сорока очерков.

Он всегда занят. Его жизнь заполняют еще его внуки. Павла Михайловича и его жену, Александру Давидовну, их дети — дочь и сын — одарили четырьмя внуками, которые вносят свою лепту радостей и любви в их жизнь.

Павел Михайлович живет для людей и несет свет и тепло в их души.

Я, как и многие коллеги Павла Михайловича, его друзья и знакомые, которых появилось в Америке у юбиляра очень много, сердечно поздравляю его с кругленькой датой 85-летия и желаю ему крепкого здоровья, сохранения присущей ему бодрости и энергии, интереса к жизни еще на долгие годы, семейного счастья и дальнейших творческих успехов.

Я, как и многие коллеги Павла Михайловича, его друзья и знакомые, которых появилось в Америке у юбиляра очень много, сердечно поздравляю его с кругленькой датой 85-летия и желаю ему крепкого здоровья, сохранения присущей ему бодрости и энергии, интереса к жизни еще на долгие годы, семейного счастья и дальнейших творческих успехов.

Я, как и многие коллеги Павла Михайловича, его друзья и знакомые, которых появилось в Америке у юбиляра очень много, сердечно поздравляю его с кругленькой датой 85-летия и желаю ему крепкого здоровья, сохранения присущей ему бодрости и энергии, интереса к жизни еще на долгие годы, семейного счастья и дальнейших творческих успехов.

Я, как и многие коллеги Павла Михайловича, его друзья и знакомые, которых появилось в Америке у юбиляра очень много, сердечно поздравляю его с кругленькой датой 85-летия и желаю ему крепкого здоровья, сохранения присущей ему бодрости и энергии, интереса к жизни еще на долгие годы, семейного счастья и дальнейших творческих успехов.

Я, как и многие коллеги Павла Михайловича, его друзья и знакомые, которых появилось в Америке у юбиляра очень много, сердечно поздравляю его с кругленькой датой 85-летия и желаю ему крепкого здоровья, сохранения присущей ему бодрости и энергии, интереса к жизни еще на долгие годы, семейного счастья и дальнейших творческих успехов.

Я, как и многие коллеги Павла Михайловича, его друзья и знакомые, которых появилось в Америке у юбиляра очень много, сердечно поздравляю его с кругленькой датой 85-летия и желаю ему крепкого здоровья, сохранения присущей ему бодрости и энергии, интереса к жизни еще на долгие годы, семейного счастья и дальнейших творческих успехов.

Я, как и многие коллеги Павла Михайловича, его друзья и знакомые, которых появилось в Америке у юбиляра очень много, сердечно поздравляю его с кругленькой датой 85-летия и желаю ему крепкого здоровья, сохранения присущей ему бодрости и энергии, интереса к жизни еще на долгие годы, семейного счастья и дальнейших творческих успехов.

Я, как и многие коллеги Павла Михайловича, его друзья и знакомые, которых появилось в Америке у юбиляра очень много, сердечно поздравляю его с кругленькой датой 85-летия и желаю ему крепкого здоровья, сохранения присущей ему бодрости и энергии, интереса к жизни еще на долгие годы, семейного счастья и дальнейших творческих успехов.

Я, как и многие коллеги Павла Михайловича, его друзья и знакомые, которых появилось в Америке у юбиляра очень много, сердечно поздравляю его с кругленькой датой 85-летия и желаю ему крепкого здоровья, сохранения присущей ему бодрости и энергии, интереса к жизни еще на долгие годы, семейного счастья и дальнейших творческих успехов.

Я, как и многие коллеги Павла Михайловича, его друзья и знакомые, которых появилось в Америке у юбиляра очень много, сердечно поздравляю его с кругленькой датой 85-летия и желаю ему крепкого здоровья, сохранения присущей ему бодрости и энергии, интереса к жизни еще на долгие годы, семейного счастья и дальнейших творческих успехов.

Я, как и многие коллеги Павла Михайловича, его друзья и знакомые, которых появилось в Америке у юбиляра очень много, сердечно поздравляю его с кругленькой датой 85-летия и желаю ему крепкого здоровья, сохранения присущей ему бодрости и энергии, интереса к жизни еще на долгие годы, семейного счастья и дальнейших творческих успехов.

Я, как и многие коллеги Павла Михайловича, его друзья и знакомые, которых появилось в Америке у юбиляра очень много, сердечно поздравляю его с кругленькой датой 85-летия и желаю ему крепкого здоровья, сохранения присущей ему бодрости и энергии, интереса к жизни еще на долгие годы, семейного счастья и дальнейших творческих успехов.

Я, как и многие коллеги Павла Михайловича, его друзья и знакомые, которых появилось в Америке у юбиляра очень много, сердечно поздравляю его с кругленькой датой 85-летия и желаю ему крепкого здоровья, сохранения присущей ему бодрости и энергии, интереса к жизни еще на долгие годы, семейного счастья и дальнейших творческих успехов.

Я, как и многие коллеги Павла Михайловича, его друзья и знакомые, которых появилось в Америке у юбиляра очень много, сердечно поздравляю его с кругленькой датой 85-летия и желаю ему крепкого здоровья, сохранения присущей ему бодрости и энергии, интереса к жизни еще на долгие годы, семейного счастья и дальнейших творческих успехов.

Я, как и многие коллеги Павла Михайловича, его друзья и знакомые, которых появилось в Америке у юбиляра очень много, сердечно поздравляю его с кругленькой датой 85-летия и желаю ему крепкого здоровья, сохранения присущей ему бодрости и энергии, интереса к жизни еще на долгие годы, семейного счастья и дальнейших творческих успехов.

Я, как и многие коллеги Павла Михайловича, его друзья и знакомые, которых появилось в Америке у юбиляра очень много, сердечно поздравляю его с кругленькой датой 85-летия и желаю ему крепкого здоровья, сохранения присущей ему бодрости и энергии, интереса к жизни еще на долгие годы, семейного счастья и дальнейших творческих успехов.

Я, как и многие коллеги Павла Михайловича, его друзья и знакомые, которых появилось в Америке у юбиляра очень много, сердечно поздравляю его с кругленькой датой 85-летия и желаю ему крепкого здоровья, сохранения присущей ему бодрости и энергии, интереса к жизни еще на долгие годы, семейного счастья и дальнейших творческих успехов.

Я, как и многие коллеги Павла Михайловича, его друзья и знакомые, которых появилось в Америке у юбиляра очень много, сердечно поздравляю его с кругленькой датой 85-летия и желаю ему крепкого здоровья, сохранения присущей ему бодрости и энергии, интереса к жизни еще на долгие годы, семейного счастья и дальнейших творческих успехов.

Я, как и многие коллеги Павла Михайловича, его друзья и знакомые, которых появилось в Америке у юбиляра очень много, сердечно поздравляю его с кругленькой датой 85-летия и желаю ему крепкого здоровья, сохранения присущей ему бодрости и энергии, интереса к жизни еще на долгие годы, семейного счастья и дальнейших творческих успехов.

Я, как и многие коллеги Павла Михайловича, его друзья и знакомые, которых появилось в Америке у юбиляра очень много, сердечно поздравляю его с кругленькой датой 85-летия и желаю ему крепкого здоровья, сохранения присущей ему бодрости и энергии, интереса к жизни еще на долгие годы, семейного счастья и дальнейших творческих успехов.

С сайта клуба

Михаил, gofman@academ.org
Школа № 68

Ищу контакт с выпускниками школы № 68 1965 года (или около). Контакт есть только с Женей Богомоловым во Франции. Буду рад любой информации.

Дня, dia1957@mail.ru

Адрес клуба одесситов в Москве. При возможности послать адрес клуба одесситов в Москве.

Инка Gofman / Raisa Bittner,
architect740@aol.com

От глубины одесского тоскующего сердца (ой, что вы мне рассказываете!) СПАСИБО!!! Только нашла Ваш сайт, иди некуда! Все, кто помнит меня — школа № 58, № 105, ОЕСЕ, друзья, знакомые, родственники, — хочу с вами говорить и видеть. Мой e-адрес в Америке architect740@aol.com. Люблю и преклоняюсь.

Всегда ваша ОДЕССИТКА —
Рая (Инка) Тойхман

Ruslana, ruslana17@juno.com
Одесса

Любимой Одессе большой

привет! Я уехала 5 лет назад, после отъезда еще не была. Очень скучаю, люблю. Живу в НУ. Надеюсь на скорую встречу со всеми друзьями и гимназией № 1 (119 школа).

Добрый день! Всеукраинская газета-журнал "Новости туризма" просит Вас выслать подтверждение и детальную информацию (точные даты и место проведения, организаторов, их телефоны, e-мейлы, сайты...) о Юморины 2005 и других фестивалях, которые будут проходить в Вашем городе в 2005 году. Информация необходима для популяризации Ваших фестивалей в Украине и, соответственно, бесплатной публикации в специальных рубриках нашего издания.

Заранее спасибо. Надеюсь на дальнейшее взаимовыгодное сотрудничество.

С уважением, редактор отдела информации Алена Капашинская.

Тел. 537-33-13, 537-33-09
или моб. 8-066-11-24-769
Alena_1elal-letter@mail.zp.ua

Дорогие друзья!!! Подскажите, пожалуйста, как можно связаться с организаторами Юморины 2005 в Вашем прекрасном городе Одесса!

С уважением, администратор Фонда реализации культурных программ "Царскосельский карнавал" Татьяна Кривенко. tatiana-k@inbox.ru

Кашерный бар-ресторан

Ресторан
ЖЕВРОН

ПРИГЛАШАЕМ

АБСОЛЮТНО ВСЕХ

КОЛОРИТ

ИЗРАИЛЬСКОЙ КУХНИ

ТРАДИЦИОННЫЕ

ЕВРЕЙСКИЕ

И ОДЕССКИЕ БЛЮДА

АТМОСФЕРА

ИЕРУСАЛИМСКОГО ДВОРИКА

Время работы:

с 11.00 до 23.00

в пятницу — с 11.00 до 16.00

выходной — суббота

Наш адрес:

ул. Ришельевская, 30
тел. 715-03-74

Инструктор

Памяти Ф.В. Шахматова

Странный он был человек, чудаковатый какой-то. Маленький, тщедушный, без возраста вроде. В неизменном спортивном костюме пробегал ежедневно свои пять километров, купался в море зимой и летом, ездил на совершенно невообразимых машинах, что и автомобилями назвать нельзя, но автоинспекция в лице своих суровых стражей только руку ему пожимает. Неудивительно, ведь добрая половина их из его учеников или поклонников. Да и знали, что авария по его вине не произойдет никогда. На занятиях во дворе нашей областной станции юных техников стояли у него дети часами, слушали всякие были и небылицы, делали зарядку чаще, чем требовалось, бегали с венниками, подметая двор. И все это ради того, чтобы разок-другой прокатиться на низеньком неудобном автомобильчике-карте, подержать в руках руль и почувствовать себя водителем настоящего автомобиля, автогонщиком или... Мало ли кем чувствуют себя ребята, держа в руках руль?

"Инструктор", как именовал он себя, их не разубеждал. Рассказывал им и о Жюль Вер-

не, и о Суворове, и о луноходах. Но чаще всего об истории автомобиля вообще и в нашем городе в частности. Ее он знал досконально.

В помещении, где проводились занятия, история эта отображалась на стендах в виде вырезок из старых газет и журналов, в коллекциях марок и спичечных этикеток. У некоторых ребят были свои коллекции. Однажды один семиклассник записал и даже опубликовал серию заметок в областной газете на эту тему.

История автомобиля в нашем городе очень интересна, и Инструктор к ней был причастен. Говорили, что даже в своей маленькой квартире типа "хрущоба" он ухитрялся хранить пару авто- или мото-"экспонатов". Ну, не чудак ли? Видно, они были важнее для него, чем комфорт.

Старые одесситы помнят, наверное, гонки по вертикальной стене, которые демонстрировались в цирковом шатре на Привозе. Я лично смотрела их в детстве, затаив дыхание, по несколько раз кряду. Это был он — важный мотогощик. Он же дублировал мототрюки во многих кинофильмах, в том числе "Тимур и его команда". "Современный Уточ-

кин" — тоже одно из любимых им прозвищ. Хотя он и не летал, но, как и тот, любил "откалывать номера". Неоднократно спускался на мотоцикле по Потемкинской лестнице.

Даже в преклонном возрасте не прочь он был тряхнуть стариной, демонстрируя ребятам на картах настоящее "автородео", всякие трюки, вызывая у них изумление и восторг.

Все это, конечно, было не по программе и методике проведения занятий, за что ругало его иногда педагогическое начальство. Но ребята, хоть и подсмеивались, бывало, над его чудачествами, но стояли и слушали его часами, выполняли все, что он требовал. От них просто отбоя не было.

В 80-е годы молодой директор ОблСЮТ Виктор Евгеньевич Мороз был вдохновителем и организатором постройки на окраине Одессы, в районе Нефтеперерабатывающего завода, картодрома. Это позволило развить популярные кружки картинга и автоспорта, привлечь к занятиям в них много мальчишек со всего города, особенно с окраин, проводить там разные соревнования.

Даже меня, далекого от автоспорта человека, увлекло зрелище мчащегося по трассе карта или мопеда, на котором, как в кадрах кинофильма, мчались маленькие "всадники" в шлемах под подбадривающие крики товарищей и родителей.

Мне не раз приходилось открывать-закрывать эти соревнования. На старте и финише на картодроме всегда мелькала маленькая фигурка в полосатой майке и бейсболке. Инструктор был одной из главных фигур на

всех соревнованиях по автоспорту, не только детских. В выставках старой техники в парке им. Шевченко он участвовал не только как один из организаторов, но и почетным гостем. В первоапрельских парадах автотранспорта, Дни смеха он выезжал на своем старом автомобиле, который сам называл Антилопой-Гну. Взрослые, как и дети, иногда подсмеивались над ним, но уважали и любили. Во время празднования одного из Дней города на стадионе "Черноморец", в котором участвовали и наши юные техники, миллиейский начальник, видя, как беспрекословно выполняют указания Инструктора знакомые милиции "трудные подростки", удивлялся: "Как это ему удается?"

В День Победы надевал он, ветеран Второй мировой войны, парадный костюм с тремя орденами Красной Звезды и другими наградами. Эти ордена вручались полковому разведчику прямо после успешного выполнения задания в тылу врага. На своем мотоцикле за линией фронта добывал он нужные сведения. И ни разу даже не был ранен. Помогло виртуозное владение мотоциклом и почти цирковое трюкачество. Стрельба велась по сидению, а водитель рулил не с сидения, а со стороны, пригнувшись почти до земли и укрывшись за мотоциклом.

Жил в Одессе Федор Владимирович Шахматов, настоящий одессит, Инструктор, ставший одной из легенд родного города.

Мери ШИФ.
г. Бейт-Шемеш, Израиль.

РОДИНА ПОЭТА — ЕГО ПОЭЗИЯ

На вопросы отвечает Эвелина Шац

Есть ли какая-нибудь разница кроме очевидной лингвистической разницы между нашим итальянским и русским наследием?

"Язык это дом бытия", — говорил Хайдеггер. Каждый обживает его по-своему. Уехав из России, не будучи диссидентом-активистом, очевидно, я все-таки стремилась вырваться из тисков замученного русского языка. Хотела думать иначе. Итальянский — новая ментальность, четкая, от латинской, ментальная структура. Освобождение от наивности стареющей рифмы, от ее упрощения текста. Русский? Я вернулась к нему двадцать лет спустя. Очень хотелось петь. Язык у поэта свой, единственный. Он может пользоваться разными инструментами для исполнения своих композиций. А может быть еще и так: итальянский — язык разума, русский — души. Впрочем, плотность, глубина одинокого слова находится за пределом предписаний того или иного языка. А поэты — все они говорят на разных языках.

Как вы относитесь к другим русским поэтам, поэтам-женщинам?

Без связи с поэтами, идеальной связи с текстом, не может быть поэзии. Наверное, как и культура, это —

некий божественный гипертекст мироздания. Я всегда сплю с каким-нибудь поэтом. Эмили Дикинсон, Готфрид Бепп, Рене Шар, Пауль Селан, Амалия Росселли. Как видите, люблю современников. Русские? Просто теряюсь от избытка связей и волнения. В разные времена разные поэты занимали место моих *cahier des chevet*: Цветаева, Ахматова, Мандельштам... И над всеми — Хлебников, Бродский. Хлебников — мои университеты. Бродский — любовь бессознательная, с трудом осознаваемая, и как всякая любовь безумна.

Вы сама творите книги. Как вы до этого дошли? Каким образом ваше искусство и ваше ремесло связаны с вашими стихами?

Как началась моя работа с книгой? *Chercher* Самиздат; Блестящая школа книготорговства! А еще добавьте — макулатура. Да, именно. Я на макулатуре просто собирала, а затем покупала за гроши книги современных итальянских поэтов. Что сказать? Самиздат — спасение человечества. Конечно, хотелось бы отшутиться. Я часто говорю, что мои рукодельные книги для дураков и коллекционеров. В действительности тут смешалась

детская любовь к книжке с картинками, история русской визуальной литературы, лубок, футуристическое руковождение, итальянское равнодушие к печатному тексту и вообще к тексту. Желание соблазнить, привлечь к чтению. Сделать такой объект, придав ему эмоциональную подвижность, который станет реликвией.

Что вы думаете о нашем сборнике, сборнике, посвященном русским поэтам-женщинам? Не бойтесь уязвить наши чувства: вы все-таки не были бы первой, кто возражает!

Большой эпический поэт мне представляется мужчиной. Некая особая лаконичность, краткость изложения — это свойство женской поэзии. Разумеется, если делить людей на брюнетов и блондинов или на высоких и низких, разница есть. Если поэзия отличается от прозы экономичностью, то женская поэзия отличается экономичностью в квадрате. Такого вообще историческое устройство женского разума. Эмили Дикинсон, например, — блестящий неогреческий голос современности. Может быть, это сдержанность, связанная с некоторой неуверенностью в себе? Тем не менее, такая сдержанность ведет к "экологическому" сознанию, семиотиче-

ской рациональности и придает тексту естественно-современную форму. Впрочем, и по времени женщины вошли в историю поэзии развернутым фронтом в новые времена.

Когда меня спросили как-то на вечере поэзии, что значит сегодня быть поэтом-женщиной, я, нисколько не задумываясь, выплеснула готовую мысль. *Poeta e sempre feminina* — Поэт всегда женского рода. Потом про себя вспомнила, как однажды мой друг, художник Альваро, восторженно воскликнул: "У тебя в башке пара квадратных яиц". Вот вам Блок и Цветаева, начало женское и мужское. В этом специальном номере посмотрим, что к чему.

А вообще, мне претит любое гетто. Я согласилась участвовать в этом женском номере, потому что быть переведенным на английский язык Даниэлем Вайсбортом для меня чрезвычайный соблазн. И очень хочется почитать что-то новое замечательной Елены Шварц.

Этот вопрос, может быть, звучит неуместным, но вы сказали, что намерены составить книгу с вашими стихотворениями, посвященными Бродскому. Вы можете объяснить, что Бродский как поэт значит для вас?

А в дождь так и вообще только в резиновых сапогах. Что многие и делают — выскочить на босу ногу ранним утром в халате по-домашнему на угол за водкой...

Дворовые женщины ее не любят и многие не здороваются. Это — зависть, к интересной жизни, к запаху дорогих парфюмов, к одежде, к деньгам... Я иногда, с ней разминувшись поздним вечером, безошибочно узнаю, что только что она здесь прошла — шлейф нежного запаха висит в воздухе нашего двора и выплескивает все, привычное жильцам дома, — запахи жареной рыбы, дворовых обмоченных стен...

А мальчишка растет замечательный. Он всегда хорошо и чисто одет. Он счастливый, поскольку я часто вижу его идущим с мамами на прогулку в выходные дни. Он, я это заметил, их обеих называет "мама". И всегда он тянет какую-то новую игрушку с собой. Пистолет, например, и расстреливает меня из него, поскольку мы с ним тоже знакомы. Они, девочки, растяг его совместно. Я полагаю, что деньги на его жизнь большей частью — это деньги от любовного промысла названного мамы. Она, проститутка, его крестная мать.

За такими крепостными стенами, как руки матерей этого малыша, он может спокойно расти. Они держат совместную оборону ото всего окружения — нашего двора, страны, которой в одночасье не стало и которой безразличны ее дети, харкающего и матерящегося быдла вокруг, наших мужчин, и злобного шипения женщин...

Бродский для меня мой вечный собеседник, мой друг. Веду с ним частый диалог. Да, пора уже собрать в сборник все стихи И. Б. за последние двадцать лет. Не одному же Рейну!

Наивный вопрос, наверное: как получается писать русские стихи вне России?

Родина поэта — его поэзия. Каждая география — причина странствия. Слава Богу, земля давно уже перестала быть квадратной, когда все знали точно, куда идти. Свое *assolo* можно исполнять в собственной раковине, куда бы ни носили ее силы природы.

Вы нам сказали, что ваш дедушка звал вас "гой". Можно предположить, что в вас течет немного еврейской крови?

Когда-то австрийский премьер Крайский сказал, что в каждом австрийце течет одна треть еврейской крови. Не знаю, правда ли это, но в каждом европейце капля иудейской крови, если считать, что кровь наша культура, а религия — ее первоначальная плоть. Отвечу вопросом на вопрос. Моя любовь к итальянскому языку, к Средиземноморью — не продиктована ли она иудейским моим началом и самим рождением в замечательном космополитном городе Одессе? А поэт — не есть ли он Вечный Жид?

Милан — Лондон — Москва.

Александр В. ДОРОШЕНКО

Дитя Города

"Тогда пришли две женщины блудницы к царю и стали перед ним. И сказала одна женщина: ...умер сын этой женщины ночью, ибо она заспала его; и встала она ночью, и взяла сына моего от меня, когда я, раба твоя, спала, и положила его к своей груди, а своего мертвого сына положила к моей груди... И сказала другая женщина: нет, мой сын живой, а твой мертвый. А та говорила ей: нет, твой сын мертвый, а мой живой... И сказал царь: рассеките это живое дитя надвое и отдайте половину одной и половину другой. И отвечала та женщина, которой сын был живой, царю, ибо взволновалась вся внутренность ее от жалости к сыну своему: о, господин мой! Отдайте ей этого ребенка живого и не умерщвляйте его... И отвечал царь и сказал: отдайте этой живое дитя: она — его мать".

3 Царств. 3. 16-27

Нельзя сказать об этой истории, что она с хорошим концом. Во-первых, потому, что она жизнь, и конец в ней пусть будет не скоро. И вообще, есть некая странность в этом американском термине "хэппи энд". Происходят всякие опасные события, герои неоднократно в них гибнут и чудом выживают, но вот, под самый занавес, они понимают, что

любят друг друга и, счастливые, отправляются в загс (мэрию) и там женятся. Лев Николаевич относительно такого "хэппи" заметил, что закончить роман сценой женитьбы героя — это все равно как, описывая его приключения, поставить точку в месте, где герой попадает в руки каннибалов на необитаемом острове.

Но в известной мере развитие этой истории счастливое. В моем дворе живут две подружки. Я наблюдаю их жизнь уже больше десяти лет. Началось с того, что еще девочками они всегда и всюду бегали вместе: играли, ходили в школу... У них были общими игрушки и тайны...

Сегодняшняя наша жизнь стремительна и опасна. Одна из тех девочек вышла замуж и муж ее, как выяснилось чуть позднее, был очень пьющий человек. Она с ним рассталась, но результатом этого дела оказался мальчишка, сын. Вот она и стала жить одинокой мамой, если это подходит под определение жизни. Отец ребенка куда-то навсегда пропал. Родители ее были неимущи в прошлом, а в новых временах и подавно. Отец был инвалидом, и жила семья на пенсию эту инвалидную, хва-тавшую на хлеб... Мать подрабатывала, где могла... А дочка образования не получила, а если бы и получи-

ла, то в стране в это время уже был утрачен на образование спрос. Вот она и работала в магазине продуктовом, за углом нашего дома... А поскольку мама ее правильно воспитала, то она и правильно жила, то есть не жила с владельцем магазина, например... и по этой причине денег зарабатывала всего ничего...

А вторая подружка оказалась счастливой внешностью и судьбой и пошла на панель. Она стройна необычайно, и всякий раз, когда я возвращаюсь в вечерних сумерках домой с работы или иду уже ночным часом с прогулки со своим псом, она выходит на promысл... Высокая, стройная... не всякая яхта стройностью и оснасткой бывает так хороша... Ею нельзя не любоваться. Мне непонятно, где и кто мог научить ее этой походке... Так вот ходит на вежливых и стальных лапах. Мягкость его походки есть просто сдерживаемая сила броска... Ноги у нее так высоки, так стройны, как колонны тосканского ордера, но живые... Всегда великолепно натянуты ее чулки — еще Гойя в "Капричос" отметил, насколько это важно... притом на таких высоких ногах! У подъезда нашего двора ее ожидает дорогая машина и увозит... Мы всегда здороваемся. Я мало кого знаю в этом дворе, но ей однажды помог, когда у нее подвернулся высоченный каблук на нашем двореком пространстве... И то сказать, по нашему двору можно ходить только на плоской надежной подошве, если ты при этом знаешь географию местности — где люк, где канавка, где что...

О ЯЗЫКЕ И НЕ ТОЛЬКО

Язык — уникальное достижение эволюции. Язык позволил обозначить словами объекты окружающей среды, которые существовали в сознании лишь как зрительные и звуковые образы, запахи, вкусовые и тактильные ощущения. Определив словами абстрактные понятия, действия и причинно-следственные связи, человек овладел инструментом творческого мышления. В словах, связанных грамматическими нормами языка, нематериальная мысль, загадочным образом зародившаяся в мозгу человека, обретает свое реальное воплощение.

В мире существует более 2500 языков. На рубеже XX–XXI веков наибольшее распространение получили английский, испанский, русский, китайский, арабский и хинди. Однако так было не всегда. В XVIII — начале XIX века аристократическая элита России говорила на французском. "Война и мир" Л. Толстого начинается беседой фрейлины Анны Павловны Шерер и князя Василия "на том изысканном французском языке, на котором не только говорили, но и думали наши деды". Языком европейской науки была латынь, язык, на котором в Дерптском университете читал лекции Н.И. Пирогов. В начале XX века в научной литературе европейских стран доминировал немецкий, после Второй мировой войны международным эсперанто стал английский. Теперь никого не удивляет и — главное! — не оскорбляет, что международные форумы в Германии и Франции, в Израиле и Японии, в Китае и Аргентине проводятся на английском языке. Так распорядилась история.

На огромной территории распавшегося Советского Союза проживает свыше 100 народностей. Сохраняя национальную культуру, население постсоветских стран продолжает пользоваться русским языком как средством межнационального общения. Знание русского языка, бывшее обязательным для граждан СССР, остается неоспоримым преимуществом всех живущих в постсоветском пространстве, независимо от их национального происхождения.

Русский язык подарил миллионам читателей "Витязя в тигровой шкуре", величайшую поэму мировой литературы, написанную Шота Руставели в XII веке на недоступном современному читателю грузинском языке. Гениальнейший аварец Расул Гамзатов стал современным Омаром Хайямом благодаря замечательным русским переводам Н. Гребнева и Я. Козловского. Чингиз Айтматов снискал мировую славу, создавая шедевры в двух авторских вариантах — на киргизском и русском языках. Классики мировой литературы — Гомер и Фирдоуси, Мильтон и Петrarка, Бальзак и Мопассан, Голсуорси и Драйзер, Хэмингуэй и Ремарк стали доступны благодаря переводам на русский язык, пока еще понятный большинству людей, живущих в так называемых постсоветских странах.

К сожалению, националистически ориентированные политики препятствуют сохранению русского языка, обеспечивающего общение между разноязычными этническими группами. Известны факты ограничения русского языка в странах Прибалтики, Молдове и даже у нас, в Украине. Пройдет совсем немного времени и огромный пласт русской культуры от Пушкина и Гоголя, Толстого, Достоевского и Чехова до Шолохова и Твардовского останется за семью печатями для людей, не знающих языка русских классиков. А между тем русская литература — это больше чем просто хорошие книги. "Поэт в России больше чем поэт"...

Самой опасной акцией псевдопатриотов представляется ограничение, а в некоторых регионах запрет преподавания русского языка в школе. Эта акция наносит ущерб в первую очередь своему народу. Пройдет немного лет, и вырастет поколение латышей, молдаван, грузин, туркмен, узбе-

ков, лишенных языка межнационального общения и не понимающих друг друга.

Основным аргументом ограничений стало противодействие насильственной русификации, которая проводилась в России и в СССР. Между тем распространение русского языка среди национальных меньшинств имеет значительно более глубокие корни. Украина вошла в состав России в середине XVII века, в XVIII веке к России присоединились Белоруссия, левобережье Днестра и Бессарабия, Курляндская и Лифляндская губернии Латвии, Литва, Эстония. Казахстан стал частью Российской империи в конце XVIII — начале XIX столетия, закаспийские области Туркмении — в XIX веке. В огромной многоязычной стране на протяжении столетий смешивались миграционные потоки, заключались смешанные браки, разрушались старые и появлялись новые торговые, культурные и научно-технические связи, для защиты общего отечества формировалась межнациональная армия. Все это диктовало необходимость языка общения, понятного всем этническим группам. И таким языком стал русский — язык самого мощного по численности и территориальной распространенности этноса.

Русификация, которой как пугалом размахивают именующие себя патриотами националисты, заключалась в обязательном изучении русского языка, но не в запрещении национальных языков. В Советском Союзе были школы, в которых преподавание велось на языке национального меньшинства, на национальных языках издавались газеты и журналы, работало радио и телевидение, ставились театральные спектакли, проводились фестивали. Не вдаваясь в этические оценки национальной политики СССР, распространение русского языка в республиках и областях, где проживает преимущественно нерусское население, следует квалифицировать как положительный результат множества исторически сложившихся обстоятельств, в том числе и насильственного (пусть — так!) обучения. И этот результат, независимо от обусловивших его причин, следует беречь и развивать.

Крушение империй, распад союзов и развал федеративных государств свершается быстро, иногда в течение 1–2 суток. Еще быстрее принимаются законы, в которых новые правители спешат декларировать свою независимость, разрушая культурные, экономические, торговые, научно-технические и административные связи, формировавшиеся столетиями. Екатерине Второй, 30 лет правившей Россией, принадлежит провидческое высказывание: "Весьма плоха та политика, которая переделывает законами то, что надлежит переменить обычаями". Изменение обычаев не юридический акт. Это исторический процесс, требующий смены многих поколений. К таким длительным процессам относится смешение, трансформация и в конечном счете смена языков в полиэтническом обществе.

Зарождаясь и умирая в течение многих веков, язык отражает уровень культурного, технологического и организационного развития своего этноса и формирует- ся как сложная многофункциональная категория. В зависимости

от выполняемой функции следует различать *родной язык, национальный и государственный языки и язык общения*.

Родной язык — это вторая сигнальная система, которая впитывается "с молоком матери" (по некоторым данным плод воспринимает речь в материнской утробе). Родным языком человек овладевает стихийно в раннем детстве, не изучая его, подобно взрослому, а ассимилируя его из окружающей языковой среды. Родной язык остается на протяжении всей жизни системой звуковых (устная речь) и зрительных (письмо, печатное слово) знаков, обозначающих конкретные предметы, действия и абстрактные понятия. Опираясь на них, человек мыслит, передает информацию, выражает эмоции. В состоянии интеллектуального и эмоционального напряжения из глубин памяти всплывают слова родного языка. Штирлиц предупреждал Кэт: "Рожая, ты будешь кричать "мама" по-русски". Японский разведчик штабс-капитан Рыбников, в совершенстве владевший русским языком, забывшись, сквозь сон пробормотал "банзай".

Родной язык не зависит от национального происхождения. Родным языком обрусевших немцев и греков стал русский, а родным языком второго и третьего поколений русских эмигрантов во Франции оказался французский. В еще меньшей степени родной язык связан с гражданской принадлежностью, особенно если речь идет о межнациональном полиэтническом государстве типа России, Украины, США. Родной язык определяется не национальным происхождением или гражданством, а языковой средой воспитания в семье.

В Украине обсуждается перспектива преподавания в высших учебных заведениях на украинском языке. Гипократу приписывается изречение: "Ученик не чаща, которую надо наполнить, а факел, который надо зажечь". Наполнить чашу можно из учебника, можно из интернета, причем на любом языке. Зажечь факел учить может только на родном языке, когда он думает о том, что говорит, а не о том, как говорит. Эстафета передачи зажженного факела возможна при соответствии лектора и аудитории, когда лектор выступает на своем родном языке, а аудитория подготовлена к восприятию этого языка. В Украине вся проблема представляется надуманной: я не встречал студента, считающего своим родным языком украинский, который испытывал бы затруднения в восприятии русских лекций.

Национальный язык — это язык национальной культуры. Это язык художественной литературы, народных песен и обрядов, язык национальной поэзии.

"Реве та стогне Дніпр широкий, Сердитий вітер завива, Додолю верби гне високі, Горами хвилю підійма..."

Попробуйте перевести этот шедевр украинской поэзии на, казалось бы, близкий русский язык. Ничего не получится!

"Ревет и стонет Днепр широкий, Сердитый ветер завывает..."

Все правильно. Но чудно исчезло. Нет непередаваемых открытых слогов в словах *реве, стогне, завива, гне, підійма*, нет мягкого украинского *г*, создающего звуковую иллюзию стона в первой строке. И

ничего уже не ревет, не стонет, не завывает. Исчезло то неуловимое, что заставляет застыть в благоговении перед гением, открывшим сокровища национального языка.

Любой национальный язык имеет свои неповторимые фонетические особенности. В поэме Э. По "Ворон" есть строка, в которой К. Бальмонт одно слово оставил непередаваемым: "Каркнул ворон — nevermore". Он сохранил в слове "nevermore" каркающие интонации английского языка. Русское слово "никогда" этих интонаций не имеет. К. Чуковский считает этот перевод образцом бережного отношения к художественным достоинствам языка оригинала.

В "Тихом Доне" Григорий, похоронив Аксинью, "...поднял голову и увидел над собой черное небо и ослепительно сияющий черный диск солнца". Фантастическая картина, написанная импрессионистическими мазками великим реалистом, волшебником национального русского языка, потрясает.

Национальный язык не имеет ничего общего с сухим и не всегда грамотным языком радио, телевидения. Это язык мастеров слова: русский — В. Качалова и Е. Турчаниновой, И. Андроникова и Д. Журавлева, украинский — Б. Ступки и Н. Ужвий, А. Бучмы и Л. Мациевской. Национальный язык связан с национальной культурой и не определяется национальным происхождением мастера. Француз О. Монферан, немец К. Брюллов, сын имеретинского князя А. Бородин принадлежат русской культуре, грузин П. Багратион — русский полководец, армянин В. Сароян — американский писатель, еврей Г. Гейне — немецкий поэт, грек К. Костанди — южнорусский художник. Все не так просто!

Государственный язык — это язык официальных документов, законодательных актов, указов, выступлений представителей государственной власти, дипломатов. Межгосударственные договоры и соглашения заключаются одновременно на языках обеих договаривающихся стран, причем оба текста имеют одинаковую силу (они аутентичны). Делается это для того, чтобы текст был понятен гражданам разноязычных стран.

Многие выходящие в Украине журналы публикуют статьи на украинском и русском языках. Это разумно. В то же время есть издания, которые принимают только украинские тексты. Правильно ли это?

Русский язык получил более широкое распространение, чем украинский. Любой украинский специалист знает русский язык. В то же время специалисты в России, в ближнем и дальнем зарубежье, владея русским языком, украинского, как правило, не знают и украинских текстов не читают. Спросите любого украинца, что такое чмождан, галстук, зонтик, прачечная, остановка. Ответят все! Спросите россиянина или гражданина иной другой страны, что такое вализа, краватка, парасолька, пральня, зупинка. Ответ получите едва ли. Так сложилось, и с этим следует считаться, не пытаясь преодолеть ситуацию, навязывая украинский язык иноязычным читателям. Перевод специальной литературы "на державну мову", инициируемый политиками-патриотами, по сути антипатриотичен, так как ограничивает читательскую аудиторию

специалистами, знающими украинский язык.

Язык общения — это язык, с помощью которого удобно обмениваться информацией в рамках этнически полиморфной группы, стабильно или временно объединенной общностью профессиональных, научных, культурных, общественных, административных или любых иных интересов. Язык общения избирается по критерию максимального удобства для большинства участников обмена информацией. Политические, националистические, псевдопатриотические аргументы при выборе языка общения не принимаются во внимание. Не случайно в Бельгии, стране, декларировавшей два государственных языка (фламандский и французский), и Швейцарии, стране с четырьмя государственными языками (немецким, французским, итальянским и ретороманским), в Израиле, воскресившем иврит, полиэтнической Индии и Китае, население которого составляет около четверти всего человечества, во Франции, Германии и в Японии международные форумы проводятся на английском языке. Никакого отношения к пресловутым имперским амбициям Великобритании это не имеет. Просто — так удобно, потому что в силу исторически сложившихся обстоятельств английский язык получил большее распространение. Никого не смущает, что язык докладчиков далек от литературных образцов Бернарда Шоу и Оскара Уайльда. Важно, что все друг друга понимают.

Съезды и конференции в Советском Союзе проводились на русском языке не потому, что "давила Москва", как теперь пытаются представить, а потому что русский язык знают украинцы и белорусы, прибалты и кавказцы, татары, мордвинны и жители Средней Азии. Неважно, что они не изъясняются на языке Тургенева и Паустовского. Приобщение к высоким образцам классики — задача языка национальной культуры. Язык общения преследует иную цель: он обеспечивает передачу максимума информации при затрате минимума усилий. Кстати, язык многих политиков, рьяно выступающих за спасение, восстановление и сохранение "мовы", далек от языка Т. Шевченко, М. Коцюбинского и Леси Украинки.

Бескомпромиссно жесткий подход к проблемам языка в государстве с полиэтническим населением неэтичен, противоположен и бесперспективен. Ревнители подмены языка общения "державною мовою" не учитывают того, что наука и культура не имеют национальных и государственных границ. Ограничение информации государственным языком изолирует Украину от мирового профессионального, научного и культурного сообщества.

Язык не представляет собой застывший набор слов и грамматических правил. Отражая культурный и научно-технический уровень этноса, язык утрачивает слова, которые обозначают вещи и понятия, становящиеся анахронизмами. Ушли в прошлое боты, бекеша, керогаз, ридикюль, радиола. Появились кеды, дубленка, спутник, лазер, видеокамера, компьютер. Язык чутко реагирует на межнациональные связи. В русском языке почти нет слов славянского происхождения, начинающихся на "А". Авось, алчность... Как будто —

«... грешный мой язык,
и празднословный,
и лукавый»
А. Пушкин

О НЕМ

все! Все остальные слова арабского, греческого, латинского и тюркского происхождения.

Казалось бы, следует спокойно относиться к появляющимся неологизмам, воспринимаемая их как исторически предопределенную неизбежность. И все же, отсутствие цензуры, вроде бы обозначающее свободу слова, привело к неконтролируемому засорению языка. Языковой беспредел овладел радио и телевидением, проник в газеты и так называемую массовую литературу, стал языком толпы. Приведем некоторые примеры.

Наемных убийц стали именовать киллерами. Что в этом страшного? Ведь "killer" — всего лишь дословный перевод на английский русского слова "убийца". Только и всего? — Нет, не только! Каждое слово — это условный знак второй сигнальной системы, который имеет свою смысловую нагрузку и эмоциональную окраску. Словом "убийца" гневно клеймят преступников, пресное слово "киллер" ассоциируется с профессией, да еще и высоко оплачиваемой. Семантика этих слов лежит в разных ячейках мозга. Стать убийцей позорно и опасно. Стать киллером — возможная альтернатива при выборе профессии.

Бандитов стали называть боевиками, банды — отрядами, главарей банд — полевыми командирами. Как же надо не понимать язык, чтобы не почувствовать романтики в словах боевик, отряд, полевой командир. А ведь романтика всегда привлекательна для молодежи.

Сексуальные сцены, ставшие дежурным блюдом нашего телевидения, характеризуются невинными словами: "они занимаются любовью". Оставим в стороне смысловую нелепицу этого словосочетания. Любовь — это чувство, такое же как ненависть, презрение, уважение. "Заниматься любовью" звучит так же не по-русски, как "заниматься ненавистью, презрением или уважением". Если же воспринимать это словосочетание как эвфемизм, то следует напомнить, что со второй сигнальной системой не шутят. Представление о том, "что такое любовь", в памяти нравственно искаленных телезрителей детей навсегда будет идентифицировано с грубым сексом. Неудивительно, что им будет неинтересен Пушкин и Лермонтов, Тютчев и Тургенев.

С сексом связан и другой эвфемизм, по-моему, более циничный, чем классические образцы ненормативной лексики. Слово "трахаться" без аббревиатур печатается в газетах, звучит в телефильмах и монологах наших эстрадных сатириков. Омерзительность и опасность этого определения в его соответствии тому, что показывают режиссеры в фильмах и театральных спектаклях, соответствии, которое лишает слово индизнального смысла, низводя его до уровня натуралистической характеристики события.

Кощунственно звучит слово "зачистка" в контексте, обозначающем военную операцию по обнаружению и ликвидации вооруженных бандитов. На войне как на войне! — и все же "зачистка", определяющая физическое уничтожение противника, не из лексики цивилизованных людей.

В газетах встречается поразительный гибрид — "порнозвез-

да". Неужели не нашлось редактора или корректора, который увидел бы или услышал семантическую, этическую и эстетическую несовместимость понятий, объединенных в этом словесном чудовище?

Несколько слов о звездах. "Солнце русской поэзии закатилось" — это о Пушкине. "Звезда русского балета" — это об Улановой. "Звезда мировой оперы в Париже" — это о Шаляпине. Так было. К звездам приравнивали гениальных, неповторимых мастеров. Теперь достаточно выйти на сцену безголосому длинноногому созданию, которое прохрипит или прошепчет свой зонг или хит (не песню, а обязательно — зонг или хит!), как тут же оно будет названо звездой... Если же в эти "звезды" вложены очень большие деньги, их возведут в ранг суперзвезд. Такая вот табель о рангах. Почти как с базарами, которые уступили место мини-маркетам, просто маркетам, супермаркетам и даже гипермаркетам.

Исчезают привычные магазины. Появляются шоппы, бутики. Звучит элегантно, по-европейски: "Встретимся в бутике". Но — "встретимся в шоппе"?..

Закусочные и рюмочные вытесняются бистро и пабами. Слово "бистро" появилось в 1814 году, когда русские войска вступили в Париж. Забегая в кафе, русский офицер требовал: "Быстро, быстро!". Французы воспринимали это слово с типичным для них ударением на последнем слоге. Так за кафе быстрого обслуживания (по-нашему — забегаловками) закрепилось слово "бистро". Пабом в Англии и в США называют заведение, где можно закупить, опрокинуть рюмку, выпить бокал пива. Паб соответствует нашему дешевому кафе, пивной, ушедшему в прошлое трактиру, кабаку. Нам не угрожает вторжение французов или англичан. К чему этот словесный маскарад?

Калейдоскопически быстро меняющаяся политическая конъюнктура приводит к выкрутасам, искажающим смысл сказанного или напечатанного. Часто приходится слышать или читать: "в бывшем Советском Союзе" или "армия бывшего СССР". Все, что было, происходило в реально существовавшем Советском Союзе, а не в виртуальном пространстве чего-то бывшего. Красная, потом Советская Армия защищала не бывший СССР, а свою реально существовавшую страну. Не говорим же мы, что Сократ жил в бывшей Древней Греции, Юлий Цезарь правил бывшим Римом, а в 988 г. бывшая Киевская Русь приняла христианство. Петр Первый основал Санкт-Петербург. Временное правительство было низложено в Петрограде. Трагическую блокаду в годы Великой Отечественной войны пережил Ленинград. Защита рубежей Волги в 1918-19 гг. вошла в историю как оборона Царицына. Великая битва в 1942-43 гг. переломила ход Великой Отечественной войны под Сталинградом, а не у города на Волге, как загадочно пишут некоторые историки. Все должно соответствовать исторической правде. Язык — дело тонкое, и пользоваться им надо без оглядки на политическую конъюнктуру.

Сергей ГЕШЕЛИН,
профессор,
доктор медицинских наук.

Живописной мовой офорту (До творчого портрету Геннадія Верещагіна)

На відміну від більшості митців, з якими мені довелося спілкуватися в останні роки, Геннадій Верещагін вражає особливо. І не лише унікальністю своєї творчості, яка в контексті одеської графіки не має порівнянь, а й доброю вдачею, про яку говорить відверто і просто.

Тому, очевидно, почнемо з того, що привело художника до подібного відчуття себе у світі, з того, що сприяло творчому рухові, без будь-яких зовнішніх проблем і колізій.

Геннадій Верещагін закінчив Київську художню школу. Далі, у 1981 році, Київський художній інститут. Там з перших курсів відчував себе впевнено і достатньо комфортно, бо мав вже тверде уявлення про своє подальше творче буття. Своїми вчителями вважає Селіванова і особливо вдячний Чебикіну, який допоміг опанувати не тільки професію художника-графіка, а й відкрив таємниці офорту і, насамперед, офорту кольорового. Вже на 3 курсі художнику пощастило прийняти участь у 3-х Республіканських виставках і бути позитивно згаданим на сторінках кількох фахових журналів. Перші студентські успіхи принесли впевненість, віру в себе, а головне — відчуття боротьби не за оцінку, а за якість власної творчості. По закінченні вузу Геннадій приїздить до Одеси, маючи творчий багаж не лише участю у найпрестижніших на той час виставках, а й у вигляді купи робіт, які ствердили неможливість будь-якої конкуренції з боку колег-однолітків і навіть художників старшого віку. У зв'язку з цим треба сміливо відкинути будь-які думки щодо хворобливих амбіцій молодого художника, або гіпертрофованого відчуття власної гідності і визнати безперечну справедливість таких висновків. Справа в тому, що графічне мистецтво в Одесі на той час не мало стійких перевірених часом традицій, особливо в мистецтві тиражованої графіки і офорту. З 15 членів секції графіки Одеської організації СХ ними займалися одиниці. Кольоровий офорт лише чекав свого часу. Верещагін привіз в Одесу високу професійність в обраному мистецтві, власний погляд на його сучасну художню практику, свою, вже сформовану стилістичну мову. Його світосприйняття і графічна обробка цілком і повністю відповідали концепції найскладнішого різновиду офорту — кольорового з однієї дошки. Саме він став своєрідною мапою, по якій мандрувала фантазія і образне мислення, яка дарувала дивовижну можливість упорядкування стихійних і суто логічних ідей, що існували у його власній художній свідомості.

Вступ у 1985 році в члени Спілки був логічним фактом життя, ризика під так званим початковим етапом діяльності. А далі були нові вітчизняні і зарубіжні виставки, перемоги на міжнародних бієналах графіки, тобто участь у привабливому, як здавалося тоді, марафоні, що стверджував професійний хист і художнє визнання. За власною думкою Верещагіна, в той час він цілеспрямовано

орієнтувався на Захід, Москву, Петербург, не маючи на увазі Одеси. Але пізніше "махнув на них рукою" і майже відмовився від участі у зарубіжних виставках. Подібна позиція була свідомим зрілості, відчуттям самодостатності, професійної впевненості і відсутності будь-яких амбіцій з приводу бажання знову і знову доводити свою значущість в мистецтві. Художник, так би мовити, досяг рівня власної компетенції, справедливо вважаючи, що твори великих назавжди залишаться неперевершеним взірцем, а його творчість буде займати належне їй місце. Відтоді він починає розкривати для себе Одесу, її живописність і фольклорний характер, а пов'язані з ними образи стають усвідомленими об'єктами творення.

З 1985 року в творчому арсеналі Г. Верещагіна з'являються серії графічних робіт, теми яких присвячені визначним архітектурним пам'яткам Одеси, живописним "нутром" старого міста, де і досі зберігається його неповторний дух, жанровим сценам, що віддзеркалюють особливий колорит городян некоронованої столиці північного Причорномор'я. В творчому бажанні Г. Верещагіна прилучитися до її своєрідного літопису кольоровий офорт зіграв визначну роль. Колір і колорит — найяскравіші історичні ознаки одеського мистецтва, зокрема живопису, з появою Г. Верещагіна перекочували і в графіку. Вкупі з досконалим володінням всім складним комплексом офорта вони стали домінуючою рисою його творчості. Художник досяг віртуозного технізму в створенні широкої кольорової і колористичної гами, її фактурної організації, навчився використовувати світло як структурну складову художньої мови зображення. Офорт перетворюється в стійку живописну форму. Так в пейзажних творах, де художник віддає шану архітектурній красі одеських будівель, досліджуються майже імпресіоністичні нюанси. Архітектурні мотиви перебувають в оточенні ранкового або західного світла, яке виявляє ілюзорну об'ємність споруд, привабливу гру тіней і сонячних відблисків, барокову витонченість декоративного оздоблення і матеріальну переконливість.

У жанрово- побутових композиціях колір вирішує проблему "візуальної правди" майже фольклорних ситуацій з епізодів буття пересічних одеситів. І тут найважливішим є те, що художник уникає шаблону тривіального прочитання "картинок з одеського побуту", які склалися в нашій уяві завдяки літературі та народному анекдоту. Він створює свій художній міф, означений єдністю міста — його "пейзажного портрету" з портретами мешканців. Поеднання архітектурного і людського життя складає суттєву квінтесенцію творів художника. Їх сюжетна канва розгортається в просторі стареньких одеських дворів і вулиць з залишками архітектурних ознак часу і побуту сьогодення. Кольорова живописність предметної атрибутики гар-

монійно поєднана з характерами людей, що поколіннями живуть і спілкуються в обмеженому просторі. Сам художник зауважує, що архітектурні мотиви старої Одеси він збирає по крихтам, бо реально залишилося дуже мало. В своїх композиціях синтезує знайдене, відроджуючи найхарактерніше і привабливе. Вміючи організувати деталі, акцентувати рисунком і кольором їх унікальність, майже "антикварну" значущість, він нібито озвучує зв'язок сучасного з минулим. Подібні композиції завдячують історичній правді своїм персонажам, які охарактеризовані з легким гротеском. Останній в загальній образності сюжетів не превалює, а лише натякає на особисті якості героїв, які завжди сповнені гумору й оптимізму.

Звідки ж прийшло до майстра подібне тяжіння до жанру? Безперечно, певну роль зіграла міцність традицій життєвого колориту Одеси. Але було й інше. Митець відверто натякає на сильні враження від київського Подолу, який зачарував його в студентські роки. А потім розгорнутою книгою стали "малі голандці". Саме тут знайшов максимально виражену образотворчу силу жанрово- побутової ідеї, звучність поетичного рішення. А з тим зрозумів, що сьогодні практично неможливо підходити до творення жанру за виміром великих попередників, не змінюючи його візуальної концепції. Тому обрав шлях художньої імпровізації, по-перше, власно знайденою графічною мовою, по-друге, своєрідним сюжетним ключем, який відкидає скарбниці нових почуттів і емоцій.

В середині 90-х років вже минулого століття Г. Верещагін звертається до мініатюрної графіки, зокрема художнього ескібрису. Здавалося б, його прикладна функція мала послати увагу до кольору і рисунку, зробити їх більш умовними та спрощеними. Але сталося інакше. Мініатюра стала об'єктом ще більшої живописно-графічної зосередженості, змусила особливо ретельно працювати над усіма елементами художньої форми. Тематика замовлень завжди сягає історичних глибин, а її живописна оболонка стає не лише яскравою ознакою тем, а й певною авторською метафорою відомих міфологічних й історичних сюжетів. Багатства живописних нюансів кольорового офорта в ескібрисах Г. Верещагіна, здається, сягає неможливого. А сам автор з цього приводу визнає, що працездатність часто входить у конфлікт з технічною трудомісткістю, й іноді здається, що більшого досягти неможливо. Але внутрішнє гасло художника "максимум сил — максимум якості" примушує його постійно перебувати у стані складного балансування між можливим і ймовірним, постійно шукати в їх складних тенетах шляхи з лабіринту.

Тетяна ВАСИЛЕНКО.

Если вас интересует
жизнь Одессы и одесситов,
где бы они ни жили,
если вас интересует
творчество ваших земляков,
с м о т р и т е с а й т
Всемирного клуба одесситов
www.odessitclub.org

«... грешный мой язык,
и празднословный,
и лукавый»
А. Пушкин

О НЕМ

все! Все остальные слова арабского, греческого, латинского и тюркского происхождения.

Казалось бы, следует спокойно относиться к появляющимся неологизмам, воспринимаемая их как исторически предопределенную неизбежность. И все же, отсутствие цензуры, вроде бы обозначающее свободу слова, привело к неконтролируемому засорению языка. Языковой беспредел овладел радио и телевидением, проник в газеты и так называемую массовую литературу, стал языком толпы. Приведем некоторые примеры.

Наемных убийц стали именовать киллерами. Что в этом страшного? Ведь "killer" — всего лишь дословный перевод на английский русского слова "убийца". Только и всего? — Нет, не только! Каждое слово — это условный знак второй сигнальной системы, который имеет свою смысловую нагрузку и эмоциональную окраску. Словом "убийца" гневно клеймят преступников, пресное слово "киллер" ассоциируется с профессией, да еще и высоко оплачиваемой. Семантика этих слов лежит в разных ячейках мозга. Стать убийцей позорно и опасно. Стать киллером — возможная альтернатива при выборе профессии.

Бандитов стали называть боевиками, банды — отрядами, главарей банд — полевыми командирами. Как же надо не понимать язык, чтобы не почувствовать романтики в словах боевик, отряд, полевой командир. А ведь романтика всегда привлекательна для молодежи.

Сексуальные сцены, ставшие дежурным блюдом нашего телевидения, характеризуются невинными словами: "они занимаются любовью". Оставим в стороне смысловую нелепицу этого словосочетания. Любовь — это чувство, такое же как ненависть, презрение, уважение. "Заниматься любовью" звучит так же не по-русски, как "заниматься ненавистью, презрением или уважением". Если же воспринимать это словосочетание как эвфемизм, то следует напомнить, что со второй сигнальной системой не шутят. Представление о том, "что такое любовь", в памяти нравственно искаленных телезрителей детей навсегда будет идентифицировано с грубым сексом. Неудивительно, что им будет неинтересен Пушкин и Лермонтов, Тютчев и Тургенев.

С сексом связан и другой эвфемизм, по-моему, более циничный, чем классические образцы ненормативной лексики. Слово "трахаться" без аббревиатур печатается в газетах, звучит в телефильмах и монологах наших эстрадных сатириков. Омерзительность и опасность этого определения в его соответствии тому, что показывают режиссеры в фильмах и театральных спектаклях, соответствии, которое лишает слово индизнального смысла, низводя его до уровня натуралистической характеристики события.

Кощунственно звучит слово "зачистка" в контексте, обозначающем военную операцию по обнаружению и ликвидации вооруженных бандитов. На войне как на войне! — и все же "зачистка", определяющая физическое уничтожение противника, не из лексики цивилизованных людей.

В газетах встречается поразительный гибрид — "порнозвез-

да". Неужели не нашлось редактора или корректора, который увидел бы или услышал семантическую, этическую и эстетическую несовместимость понятий, объединенных в этом словесном чудовище?

Несколько слов о звездах. "Солнце русской поэзии закатилось" — это о Пушкине. "Звезда русского балета" — это об Улановой. "Звезда мировой оперы в Париже" — это о Шаляпине. Так было. К звездам приравнивали гениальных, неповторимых мастеров. Теперь достаточно выйти на сцену безголосому длинноногому созданию, которое прохрипит или прошепчет свой зонг или хит (не песню, а обязательно — зонг или хит!), как тут же оно будет названо звездой... Если же в эти "звезды" вложены очень большие деньги, их возведут в ранг суперзвезд. Такая вот табель о рангах. Почти как с базарами, которые уступили место мини-маркетам, просто маркетам, супермаркетам и даже гипермаркетам.

Исчезают привычные магазины. Появляются шоппы, бутики. Звучит элегантно, по-европейски: "Встретимся в бутике". Но — "встретимся в шоппе"?..

Закусочные и рюмочные вытесняются бистро и пабами. Слово "бистро" появилось в 1814 году, когда русские войска вступили в Париж. Забегая в кафе, русский офицер требовал: "Быстро, быстро!". Французы воспринимали это слово с типичным для них ударением на последнем слоге. Так за кафе быстрого обслуживания (по-нашему — забегаловками) закрепилось слово "бистро". Пабом в Англии и в США называют заведение, где можно закупить, опрокинуть рюмку, выпить бокал пива. Паб соответствует нашему дешевому кафе, пивной, ушедшему в прошлое трактиру, кабаку. Нам не угрожает вторжение французов или англичан. К чему этот словесный маскарад?

Калейдоскопически быстро меняющаяся политическая конъюнктура приводит к выкрутасам, искажающим смысл сказанного или напечатанного. Часто приходится слышать или читать: "в бывшем Советском Союзе" или "армия бывшего СССР". Все, что было, происходило в реально существовавшем Советском Союзе, а не в виртуальном пространстве чего-то бывшего. Красная, потом Советская Армия защищала не бывший СССР, а свою реально существовавшую страну. Не говорим же мы, что Сократ жил в бывшей Древней Греции, Юлий Цезарь правил бывшим Римом, а в 988 г. бывшая Киевская Русь приняла христианство. Петр Первый основал Санкт-Петербург. Временное правительство было низложено в Петрограде. Трагическую блокаду в годы Великой Отечественной войны пережил Ленинград. Защита рубежей Волги в 1918-19 гг. вошла в историю как оборона Царицына. Великая битва в 1942-43 гг. переломила ход Великой Отечественной войны под Сталинградом, а не у города на Волге, как загадочно пишут некоторые историки. Все должно соответствовать исторической правде. Язык — дело тонкое, и пользоваться им надо без оглядки на политическую конъюнктуру.

Сергей ГЕШЕЛИН,
профессор,
доктор медицинских наук.

Живописной мовой офорту (До творчого портрету Геннадія Верещагіна)

На відміну від більшості митців, з якими мені довелося спілкуватися в останні роки, Геннадій Верещагін вражає особливо. І не лише унікальністю своєї творчості, яка в контексті одеської графіки не має порівнянь, а й доброю вдачею, про яку говорить відверто і просто.

Тому, очевидно, почнемо з того, що привело художника до подібного відчуття себе у світі, з того, що сприяло творчому рухові, без будь-яких зовнішніх проблем і колізій.

Геннадій Верещагін закінчив Київську художню школу. Далі, у 1981 році, Київський художній інститут. Там з перших курсів відчував себе впевнено і достатньо комфортно, бо мав вже тверде уявлення про своє подальше творче буття. Своїми вчителями вважає Селіванова і особливо вдячний Чебикіну, який допоміг опанувати не тільки професію художника-графіка, а й відкрив таємниці офорту і, насамперед, офорту кольорового. Вже на 3 курсі художнику пощастило прийняти участь у 3-х Республіканських виставках і бути позитивно згаданим на сторінках кількох фахових журналів. Перші студентські успіхи принесли впевненість, віру в себе, а головне — відчуття боротьби не за оцінку, а за якість власної творчості. По закінченні вузу Геннадій приїздить до Одеси, маючи творчий багаж не лише участю у найпрестижніших на той час виставках, а й у вигляді купи робіт, які ствердили неможливість будь-якої конкуренції з боку колег-однолітків і навіть художників старшого віку. У зв'язку з цим треба сміливо відкинути будь-які думки щодо хворобливих амбіцій молодого художника, або гіпертрофованого відчуття власної гідності і визнати безперечну справедливість таких висновків. Справа в тому, що графічне мистецтво в Одесі на той час не мало стійких перевірених часом традицій, особливо в мистецтві тиражованої графіки і офорту. З 15 членів секції графіки Одеської організації СХ ними займалися одиниці. Кольоровий офорт лише чекав свого часу. Верещагін привіз в Одесу високу професійність в обраному мистецтві, власний погляд на його сучасну художню практику, свою, вже сформовану стилістичну мову. Його світосприйняття і графічна обробка цілком і повністю відповідали концепції найскладнішого різновиду офорту — кольорового з однієї дошки. Саме він став своєрідною мапою, по якій мандрувала фантазія і образне мислення, яка дарувала дивовижну можливість упорядкування стихійних і суто логічних ідей, що існували у його власній художній свідомості.

Вступ у 1985 році в члени Спілки був логічним фактом життя, ризика під так званим початковим етапом діяльності. А далі були нові вітчизняні і зарубіжні виставки, перемоги на міжнародних бієналах графіки, тобто участь у привабливому, як здавалося тоді, марафоні, що стверджував професійний хист і художнє визнання. За власною думкою Верещагіна, в той час він цілеспрямовано

орієнтувався на Захід, Москву, Петербург, не маючи на увазі Одеси. Але пізніше "махнув на них рукою" і майже відмовився від участі у зарубіжних виставках. Подібна позиція була свідомим зрілості, відчуттям самодостатності, професійної впевненості і відсутності будь-яких амбіцій з приводу бажання знову і знову доводити свою значущість в мистецтві. Художник, так би мовити, досяг рівня власної компетенції, справедливо вважаючи, що твори великих назавжди залишаться неперевершеним взірцем, а його творчість буде займати належне їй місце. Відтоді він починає розкривати для себе Одесу, її живописність і фольклорний характер, а пов'язані з ними образи стають усвідомленими об'єктами творення.

З 1985 року в творчому арсеналі Г. Верещагіна з'являються серії графічних робіт, теми яких присвячені визначним архітектурним пам'яткам Одеси, живописним "нутром" старого міста, де і досі зберігається його неповторний дух, жанровим сценам, що віддзеркалюють особливий колорит городян некоронованої столиці північного Причорномор'я. В творчому бажанні Г. Верещагіна прилучитися до її своєрідного літопису кольоровий офорт зіграв визначну роль. Колір і колорит — найяскравіші історичні ознаки одеського мистецтва, зокрема живопису, з появою Г. Верещагіна перекочували і в графіку. Вкупі з досконалим володінням всім складним комплексом офорта вони стали домінуючою рисою його творчості. Художник досяг віртуозного технізму в створенні широкої кольорової і колористичної гами, її фактурної організації, навчився використовувати світло як структурну складову художньої мови зображення. Офорт перетворюється в стійку живописну форму. Так в пейзажних творах, де художник віддає шану архітектурній красі одеських будівель, досліджуються майже імпресіоністичні нюанси. Архітектурні мотиви перебувають в оточенні ранкового або західного світла, яке виявляє ілюзорну об'ємність споруд, привабливу гру тіней і сонячних відблисків, барокову витонченість декоративного оздоблення і матеріальну переконливість.

У жанрово-побутових композиціях колір вирішує проблему "візуальної правди" майже фольклорних ситуацій з епізодів буття пересічних одеситів. І тут найважливішим є те, що художник уникає шаблону тривіального прочитання "картинок з одеського побуту", які склалися в нашій уяві завдяки літературі та народному анекдоту. Він створює свій художній міф, означений єдністю міста — його "пейзажного портрету" з портретами мешканців. Поеднання архітектурного і людського життя складає суттєву квінтесенцію творів художника. Їх сюжетна канва розгортається в просторі стареньких одеських дворів і вулиць з залишками архітектурних ознак часу і побуту сьогодення. Кольорова живописність предметної атрибутики гар-

монійно поєднана з характерами людей, що поколіннями живуть і спілкуються в обмеженому просторі. Сам художник зауважує, що архітектурні мотиви старої Одеси він збирає по крихтам, бо реально залишилося дуже мало. В своїх композиціях синтезує знайдене, відроджуючи найхарактерніше і привабливе. Вміючи організувати деталі, акцентувати рисунком і кольором їх унікальність, майже "антикварну" значущість, він нібито озвучує зв'язок сучасного з минулим. Подібні композиції завдячують історичній правді своїм персонажам, які охарактеризовані з легким гротеском. Останній в загальній образності сюжетів не превалює, а лише натякає на особисті якості героїв, які завжди сповнені гумору й оптимізму.

Звідки ж прийшло до майстра подібне тяжіння до жанру? Безперечно, певну роль зіграла міцність традицій життєвого колориту Одеси. Але було й інше. Митець відверто натякає на сильні враження від київського Подолу, який зачарував його в студентські роки. А потім розгорнутою книгою стали "малі голандці". Саме тут знайшов максимально виражену образотворчу силу жанрово-побутової ідеї, звучність поетичного рішення. А з тим зрозумів, що сьогодні практично неможливо підходити до творення жанру за виміром великих попередників, не змінюючи його візуальної концепції. Тому обрав шлях художньої імпровізації, по-перше, власно знайденою графічною мовою, по-друге, своєрідним сюжетним ключем, який відкидає скарбниці нових почуттів і емоцій.

В середині 90-х років вже минуло століття Г. Верещагіна звертається до мініатюрної графіки, зокрема художнього есклібрису. Здавалося б, його прикладна функція мала послати увагу до кольору і рисунку, зробити їх більш умовними та спрощеними. Але сталося інакше. Мініатюра стала об'єктом ще більшої живописно-графічної зосередженості, змусила особливо ретельно працювати над усіма елементами художньої форми. Тематика замовлень завжди сягає історичних глибин, а її живописна оболонка стає не лише яскравою ознакою тем, а й певною авторською метафорою відомих міфологічних й історичних сюжетів. Багатства живописних нюансів кольорового офорта в есклібрисах Г. Верещагіна, здається, сягає неможливого. А сам автор з цього приводу визнає, що працездатність часто входить у конфлікт з технічною трудомісткістю, й іноді здається, що більшого досягти неможливо. Але внутрішнє гасло художника "максимум сил — максимум якості" примушує його постійно перебувати у стані складного балансування між можливим і ймовірним, постійно шукати в їх складних тенетах шляхи з лабіринту.

Тетяна ВАСИЛЕНКО.

Если вас интересует
жизнь Одессы и одесситов,
где бы они ни жили,
если вас интересует
творчество ваших земляков,
с м о т р и т е с а й т
Всемирного клуба одесситов
www.odessitclub.org

Сергей РЯДЧЕНКО

РУКА

Лёньке Еременко
и Вовке Малецкому

И ведь было это в самом что ни на есть эпицентре развитого социализма, посреди его перекрывшей все прочие самой оголтелой пятилетки, что раздурила свое победное шествие в незабываемом семидесятом, юбилейном, эпидемическом, от обилия Ильича в котором можно было просто повеситься или взять да лопнуть (и лопались ведь, и плющились), а завершила его невиданными (никем) достижениями в год получения нами дипломов о высшем образовании. Да, тем и ценнее.

В Одессе тогда и холера объявилась не просто так, а как искра улыбки посреди вакханалии неживого смысла.

Наш ин'яз располагался на углу Торговой и Пастера в Доме Фундуклея, где в библиотеке еще сохранился Воронцовский камин, а в зале второго этажа сверкущий паркет, на котором, за полтора века до, танцевал и Пушкин.

Январь студенческой жизни месяц противоречивый. В конце его мерцает, маня, свобода лыжная каникул, но добраться до нее можно лишь сквозь многосоставные препятствия зимней сессии, которая не в пример летней извилиста и непредсказуема, поскольку весь сентябрь, а то и с доброй половиной октября, студенты провели счастливо в колхозных полях на уборке небывалого при царе урожая, и предметы им, стало быть, преподаны после, в остаток семестра, как успелось, а спрашивать будут, как захотят. Да, друзья, кто не спрятался, мы не виноваты. Но с Божьей помощью, скажу, жить можно было, вы вспомните, только вот в том-то как раз и фокус, что ни на какую Божью помощь мы в ту пору полагаться не полагались — верить не верили, — и потому как кого проносило на тех испытаниях к заветному росчерку в зачетке, остается на совести каждого в отдельности и всех нас вместе взятых.

А когда, пацаны, будут спрашивать?

Сегодня, вероятно, кому-то покажется странным, но в те времена, чтобы сдавать экзамены, приходилось студировать. Ну хотя б накануне. Ну хоть что-нибудь.

Можно, конечно, поточней назвать дату того нашего озарения, но особой нужды в таком буквоедстве мы сегодня не видим. Дошнющие же волны обратиться к университетским архивам и установить, в какой из январей, 1971-го или другого рядышком года, наш курс сдавал древнеанглийский период истории языка, имевший в свою очередь место тысячелетием ранее. Предмет, кстати, без лишней скромности, совсем не для слабонервных. Его не только надо было с доски в тетрадь на лекциях переписывать, но еще и, несмотря ни на что, из сомнительных, под разными авторами, затертых источников вбивать себе в голову целыми пачками — склонений со спряжениями, глагольных классов по осложнителям и рядами аблягута в его инфектах, перфектах и аористах, что для индивидуума, вознамерившегося овладеть современным языком германской группы, сгласитесь, весьма и весьма обременительно. И потому хитрованы тех дней разработали стратегию с тактикой: одни пишут лекции, а другие шпорят* учебники по разделам, а в сессию сходятся для унификации. Был и еще способ прорваться. Заклучался он в том, чтобы в упомянутые труды не ввязываться, жить в семестр вольно, но зато состоять в тесном приятельстве с одним, а лучше с несколькими трудягами одной, или опять же обеих, вышеуказанных групп, и таким образом быть допущенным на авральные посиделки в качестве любимца для дрессировки.

А Лёньку обожали все. И не за то, что весь отечественный кинематограф был отснят на пленке его родного города, и не только за то, что был он из Шостки, а шутил, как мы, не хуже, а то и смешнее, а просто потому, что он, надо признать, был из нас наиболее обаятельным бездельником. И вот он, помню, при мне сразу после Нового года, распушив свои пиратские бакенбарды у перил третьего этажа над пролетом мраморной лестницы, по ступеням которой, будьте уверены, тоже полтора года тому ступали все, кому потом предстояло войти в Историю, договаривается с Малым и Алисой о таком вот *reunion***. Малой дотошен, педант, Алиса преданна и трудолюбива; они оба и на лекции ходят, и шпоры строчат мелким бисером.

— Только у меня мать ремонт затеяла, — говорит Малой.

— Можно у меня, — говорит Алиса, — в общезжитии.

— Зачем? — Лёнька рад, что хоть чем-то теперь может пригодиться. — Ко мне давай-те. А найти вам меня раз плюнуть. Я снимаю комнату в Павловском здании.

— Это где?

Ну, Алисе иногородней, допустим, простительно, а вот Малому, жителю частного сектора над Аркадией... пожалуй, что тоже, хотя и странно, согласиться. Ну на то он и Малой, педант и почти отличник.

И тогда Лёнька говорит:

— Я ж говорю, раз плюнуть, — говорит он. — Я когда поступать ехал, мне мама сказала: "Сойдешь с поезда, выйдешь с вокзала, но не прямо, а направо — там у них сразу их главная площадь. Вот куда Ленин на ней рукой показывает, туда и пойдешь". Чего проще? Квартира такая-то, этаж такой-то.

— Действительно просто, — согласилась Алиса.

И даже Малой не устоял, тоже кивнул.

Ну дальше, не помню уж, выпили мы, наверно, в ближайшей точке на Торговой чего-нибудь легенького, сессия ведь, — скажем, по одному европейскому — пенистому не от того, что оно игристое, а оттого, что такой вот тугою холодной струей вам его на прилавке из стеклянного конуса в стакан подают, — и разбежались, ведь сессия.

Ну а дальше утро перед экзаменом, рань, как тогда принято, еще несусветная, толком не рассвело, по факультету всюду лампы горят, как на праздник, но только не праздник же, и Лёнька в вестибюле протяжно и даже без обиды, а больше с удивлением, гнусавит сквозь проем с приступком мимо тети Цили в наш гардероб, где Малой с красными с мороза щеками и примятой от шапки шевелюрой вешает на крючок необъятную доху:

— Ну что же ты, Владимир, нас взял да покинул? Мы ж без тебя, отец родной, так в гранит сей и не вгрызлись. Нам же теперь пред лицом профессора и сказать-то нечего, окромя "зэт ыз Абрахам сэ хым энгла Гад наман ниван аскииоп"*** и "зэт взз гууд кунинг"****.

И чувствуется, что что-то Лёнька вчера все ж познал, однако ж дело не в этом.

— Представляешь, — говорит красный с мороза, как рак, Малой. — Ленин твой никому да рукой не показывает.

* Шпорить — (жарг.) писать шпаргалки

** Reunion — (англ.) воссоединение; встреча старых друзей

*** ðæt is Abraham se him engla God naman pi wæn ascéop — (др. англ.) "Это тот Авраам, которому бог ангелов дал новое имя" (Исход, 380)

**** ðæt wæs gōd cyning (Beowulf, 11) — "Это был хороший король" (Беовульф, 11)

— Да иди ты.

И Алиса уже тут как тут, тоже с мороза. Да и все мы оттуда в то утро — красные, смелые, молодые.

— Вов, ты чего? — говорит Алиса. — Я ж нашла.

— Ну не знаю, куда ты смотрела, — говорит Малой. — Потоптался я там на ветру — уши в трубочку. И воротился не солоно хлебавши.

Ах, что за слова мы в ту пору артикулировали, их на вкус во рту перекатывая. Нравилось, ох, нравилось же.

— А может, Вова, темно было? — допытывается Лёнька то ли всерьез, то ли в шутку. — Вот ты и не заметил.

— Не морочь голову, — говорит Малой. — Утром пришел. Как договаривались.

— Так и сейчас утро, а темно же еще.

— Короче, — говорит Малой. — Для тугодумов. Ленин куда не указывает.

— Ну как же так?!

— А вот так. Вообще никуда.

Ну и кто ему поверил?

И вот, одолев кто как на свой страх и риск историю еще одного великого языка, мы веселой гурьбой, по ходу наведываясь во все точки, крайняя из которых на том маршруте располагалась по соседству с пожарной каланчой и славились своей крепкой лидией, отправились к монументу вождя мирового пролетариата, дабы самолично удостовериться. И дорогой обсуждали не без изысков, хоть и взалхлеб, кто, где, когда и сколько повидал на своем веку изваяний человеческого из человеческих. А к слову, город наши ими не обижен. Тут вообще всего хватает, ну и скульптурных Ильичей в частности — в камне, в бронзе, в гипсе, в чугуне и не в чугуне, и в чем вы только хотите, включая и того во втором пространстве внутреннего дворика дома на Софиевской, на зеленом, буром, красном, коричневом, почти по центру, пьедестале, — во что дворник ворота выкрасит, в том и этот, — а в тот год почему-то вопреки воротам в позолоте весь, росточком с подпрыгнувшего пекинеса, рядом с которым, будь то в одиночестве или же в компании гостей на экскурсии, вас не покидало внятное чувство, что сейчас вот всех нас приедет бобик и заметут — за соучастие, бляха-муха, в искажении основной идеи генеральной замысла.

А хотите знать, а вы б как себе думали, будь вы на нашем месте? Так ответьте, как на духу, пока не дочитали: так куда Ленин в Одессе рукой показывает?

Вот и мы, сколько в пути ни тараторили, а неизменно приходили к выводу, что Малой привирает.

А вы как думали?

Идем дальше.

И приходим на Куликово поле, под январский ветруган, что шибает слезы из глаз, и подходим к вождю, и смотрим; и хоть слезы, а видно ж нам, не отвертись, что на главной площади нашего города на фоне монументального здания обкома партии с гранитным его цоколем и твердолобой колоннадой Ленин наш нам никуда, друзья, не показывает, а вместо этого одной рукой со смятой кепкой опирается на постамент, а другую, вопреки всему, предусмотрительно держит в кармане.

Ай да скульптор, ай да сын Одессы! Чем бы ни руководствовался, какой бы необходимостью, — производственной (камень с карьера не довели) или моральной (вот мне это где уже все!) — а только ж увековечил, мастер, неизбытную нашу с вами, друзья, не trivialность, которая, такая, только тут и растет, а потом уже ветры перемен, если сыщутся, — а они сыщутся, — разносят ее по всему белу свету. Ну, и как думаете, в обещанное нам светлое будущее мы так и не попали из-за нашего Ленина на площади, или другие причины тоже вмешались? А между прочим, из того года тогда, там, на ветру, нам до коммунизма уже было рукой подать. Только вот руки-то как раз и не сыскалось.

— Ну вот, я ж говорил! — громыхает Малой победоносно на все Куликово. — Вот я и не нашел.

Полное посрамление нас зацикленных, нас неверующих.

Миг позора. Хмельное раскаяние.

А у вас как?

Но в отместку за всех за нас звучит голос Алисы.

— Все равно дурак, — говорит она. — Как можно не понять, куда идти.

А Лёнька сказал:

— Да молодец ты, Вован! Экзамен позади. Все к лучшему. Я тебе даже еще спасибо скажу.

Они с Алисой, в смысле Лёнька, а не Вовка, потом чуть не поженились.

То есть, куда шли, не дошли, но пришли, куда надо.

Как и все прочие.

Как и мы с вами.

Одесса,
13-е февраля,
2005,
воскресенье.

Мартин

В учебнике географии за 1913 год упоминается о народах, населяющих Россию. Об евреях сказано несколько слов. Обращают на себя внимание два обстоятельства: чудовищная бедность; детская смертность превышает в восемь раз детскую смертность самых отсталых народов и, одновременно, стопроцентная грамотность.

И этот нищий грамотный народ в 1917 году активно поддержал

идею всеобщего братства и равенства без униженных и оскорбленных.

Среди сотен тысяч революционеров, всецело покоренных идеей, были молодая девушка из очень бедной семьи и окончивший Сорбонну образованный молодой человек.

Засучив рукава, они приступили к строительству общего братства (не брезгуя постреливать).

Имея двух детей со звонкими

именами Октябрина и Мартин (это еврейство благополучно вершило суд, как созидательный, так и разрушительный), а отсидев положенные годы (успев отказать друг от друга во имя революции), состарилось и не заметило, как выросли на этом кривом дереве две ветви. Дальше больше. Одна ветка хотела иметь, другая — быть. Притом иметь все здесь, сейчас, навсегда и как можно скорее. Другая ветка хотела быть тоже здесь и сейчас — в море, на земле, среди друзей, среди чужих детей (у этой ветки семьи не было).

Трудно описать причудливость этого человека. Он мог ответить на любой вопрос на любом европейском языке, вытаскивая при этом детские фотографии своих друзей, раскрывая книжку об особенностях турецкой керамики VII века.

Дальше — больше. Ветвь, желающая иметь, вдруг обнаруживает, что есть страна, где можно иметь значительно больше и устремляется туда.

Мой друг выбирает путь в страну, где уже нет ничего: он умирает добровольно.

Путь не самый лучший, не самый правильный, но не мне его судить за это.

Его поступок потряс меня и круто изменил мою жизнь. До 1977 года (смотри журнал "Творчество" за 1988 год, № 6) она тек-

ла как в эллинском мире до прихода Христа — среди дубрав, игр и прихоти молодого тела.

После смерти Мартина я ужаснулся, впервые по-настоящему столкнувшись со Смертью.

Все, повторяю, все мои работы с 1977 года посвящены Мартину Молчадскому. Эти работы объединены общим названием: "Поцелуй Иуды!"

Ассоциация с Новым Заветом: мессия приходит, предлагая добро, равенство и систему "быть", а время, семья, зло своим поцелуем убивают его.

Сюжет повторяется.

Люсьен ДУЛЬФАН.
Нью-Йорк.

О друге

А вы, мои друзья
последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать,
мне жизнь сохранена.

А. Ахматова

Он был нашим другом с первого, юношеского призыва в тяжелые годы войны ("...Как это было, как совпало: война, беда, мечта и юность!") и до последнего, до конца.

Неповторим его облик: добродушие и ирония, общительность и замкнутость, поражающая эрудиция и скромность, склонность к парадоксам и строгая логика в суждениях, поэтичность и трезвость.

Мы знали, что 37-й год, арест родителей, трагическая судьба семьи многое определили в его характере, навсегда вселили в душу неуверенность в себе, боязнь практических шагов, желание быть незаметным.

У него были незаурядные способности, склонность к научной работе; скромный служащий лаборатории на одесской ТЭЦ, он до тонкости знал свою узкую отрасль — химическую водоочистку (28 напечатанных статей), но не думал об оформлении и защите диссертации, об упорении материального положения, о создании семьи. Не думал! Никто не знает, как много он думал об этом и какими именно доводами (или дело не в доводах?) определял навсегда свое место.

Ему многое было нужно. Его "экологическая ниша", обеспеченная заботой родителей, близостью к семье сестры Оли, — это любимые книги, пластинки, концерты, изучение языков, шедевры живописи и — друзья.

Друзей у него было много. По какому-то одному ему известному графику он навещал их, нас то есть.

Придет, бывало, поздно вечером:

— Что у вас нового, что хорошего?

Посидим, обо всем расспросит, попьет чаю (без сахара и без угощения), соберется уходить и на пороге с мягкой улыбкой скажет на прощанье:

Шлафен зи воль, Спите крепко,
Эссен зи коль, Ешьте капусту,
Тринкен зи бир, Пейте пиво,
Данкен зи мир.

Благодарите меня.

В стихотворении от 6.05.1944 г., обращенном к родителям, он написал о себе пророческие строки:

Слишком много

видел я плохого,

Чтобы стать мне в жизни

подлецом.

И дорогу не начну я снова,

Даже если стану пред концом.

Может, сам я

в сеть свою запутан,

Может быть, что мнима эта сеть,

Но порвать я не сумею круто,

И на ней мне до конца висеть.

Верно, вы стиха и не поймете,

Дай Бог, чтоб понять

и не пришлось,

А придется плыть

волне напротив —

Не судите сына вкривь и вкось.

Захотите — память отгоните,

Захотите — вспомните подчас.

Но в мозгу есть и такие нити,

Что — веревки крепче —

вяжут нас.

Я, наверно, так сурово связан,

Что другому не понять уму.

Что ни выйдет,

не моргнувши глазом

Я всегда судьбу свою приму.

Я знаком и с радостью,

и с горем,

Но, пожалуй, к горю я привык.

Мы живем с ним мирно

и не спорим.

Что кричать,

когда напрасен крик?

Удивительное пророчество! И какое раннее!

Я вспоминаю, каким беззащитным становилось его доброе и мудрое лицо, когда он снимал очки. Может, именно тогда и обнаруживалось то, что тщательно скрывалось в тайниках души.

Мартин знал о нас, своих друзьях, все, вникал в наши семейные и служебные дела, о себе же рассказывал очень мало, почти ничего. Может, он пытался сорвать с души оковы и включиться в повседневность, как все, но не мог решиться.

Он писал:

Без убежденья силы нет,
А без сомненья нет познания,
И вертится бессменный свет
Между борьбой и созерцаньем.

Нам хотелось найти ему хорошую жену, мы пытались "сватать" его. Но разговоры на эту тему он останавливал сначала шутя, а од-

нажды так решительно, что мы прекратили их навсегда.

Последние дни перед роковой ночью (это выяснилось потом) он обходил всех своих друзей. Был и у нас. Отдавал книги, негативы пленок. "Зачем?" — спросила я, ни о чем не догадываясь. "Пусть будет у вас, так надежнее", — ответил он.

Во время последнего визита к Галке Штипель он участвовал в общей беседе об отъездах. Хозяин дома сказал: "Ехать, чтобы быть на иждивении жены, — недостойно человека".

— Не знаю, как насчет жены, но быть на иждивении сестры — точно недостойно! — включился Мартин.

Его размышления вылились в горькие строки:

Есть счастье горькое раба,
Привычной муки сладострастье,
Своя, извечная судьба,
А быть собою — это счастье.

Пред неизведанным есть страх,
Есть ужас перед незнакомым
И оправданья на устах,
Пускай набившие оскомку:

Что верность нам

приносит честь,

Пусть не отцу, а господину.

Трудней разлуку перенести,

Чем бич, ласкающий нам спину.

Так мы живем.

И здесь мой дом.

Годы идут, но он для нас жив, потому что был Человеком, Другом, и мы его любили. И еще потому, что он накрепко связал себя с нашими детьми и внуками. Может быть, в десяти (или пятнадцати?) семьях своих знакомых и друзей он знал все дни рождения, не забывал поздравлять с ними и с праздниками.

Расскажу о том, как он опекал наших детей, как дружил с ними. Для сына Саши (он 1945 г. рождения) каждое появление Мартина было праздником. Тот сажал его на колени и "отправлялся" в длительные путешествия, во время которых мальчик многое узнавал о мире, о разных странах. Когда Саша подросток (он рано, чуть ли не с пяти лет, стал читателем), Мартин приносил ему книги: "Занимательная алгебра", "Занимательная геология", "Как человек стал великаном" и т. д. Это была какая-то планомерная забота о его развитии. В 1962 г. сын перевелся на второй курс Новосибирского университета. Поздравляя его с Новым годом, перед оче-

редной зимней сессией Мартин писал:

"Девиз у нас на знамени:
"Отлично сдать экзамены!" —
Писал я много лет назад.
Теперь студенту новому,
Сибиряку толковому,
Стихи послать я рад.

Привожу эти стихи:

Давно ли мы в Африку ехали —
И вот ты сегодня в Сибири.
Поистине: странными веками
Пестрит география мира.

Ну что ж, и в морозы сибирские
Друзей ты согрет теплотой:
И новые сделались близкими,
И старые вместе с тобою.

Мартин многие годы не забывал поздравлять Сашу с днем рождения. Однажды он отправил в подарок пьесы Э. Ростана (сын играл Рагно в самостоятельной постановке "Сирано де Бержерака") с надписью:

Мой друг Рагно! Нам не дано
Тебя увидеть в марте,
Но тороплюсь я все равно
Тебя поздравить.
Мартин.

Удивительно трогательным было его отношение к нашей дочери Наташе. Он любил ее по-особому. Умел так сфотографировать ее, чтобы выпятить то лучшее, что видел в ней. На его фотографиях она была прекрасна.

Случилось так, что у девочки произошел нервный срыв, когда она перегрузила себя неумеренными занятиями на первом курсе математического факультета в Новосибирске. Мартин писал ей очень часто. Придя к нам, он тут же садился и в стихах описывал наши дела, наш сегодняшний день:

Пришел к твоим родителям,
Застал их в дни осенние
За делом восхитительным —
Проверкой сочинений.
Они в своей основе
Опять вполне здоровы,
Довольны и бодрны
И в этот день добры
К ученикам старательным
И даже невнимательным.

Их много, этих шуточных посланий, и все они дышат любовью, пониманием, заботой! Чтобы связь между новосибирской студенткой и Одессой была непрерывной, чтобы студентка не чувствовала себя одинокой, Мартин придумал посылать не только

письма (где найдешь темы и сюжеты для ежедневных писем?): выписывал из книг, из журналов (он читал по-польски, по-чешски, по-сербски, по-болгарски, на немецком, английском, французском, румынском языках) меткие изречения, смешные анекдоты, курьезы и т. д. Это длилось полгода. И теперь хранится у нас целый том неустанной деятельной любви и заботы. Между прочим, благодаря Мартину Наташа познакомилась с Фолкнером, который стал одним из любимых ее писателей.

Появились у нас внуки — и к ним то же отношение. Он фотографировал их как никто, неизменно схватывая именно то, что составляло очарование ребенка. Он играл с ними, посвящал им шуточные строки:

Кормит Олю папа Саша
Очень вкусной, сладкой кашей.
Потихоньку, понемножку
Оля съела эту ложку.
Улыбаясь очень мило,
Снова ложку проглотила.
Приходила к Оле кошка,
Попросила: "Дай немножко!".
Налили мы в блюдце ей
И сказали: "Ешь скорей!".
Пить приятно и легко
После каши молоко.

(И т. д.)

Тема "Мартин" неисчерпаема. Проходят годы, а он все живет в моей памяти, и годы усиливают боль и любовь, угрызения и преклонение.

И снова мне не обойтись без мощи поэта:

Забываются слова,
Приминается трава,
Только лица остаются
И знакомые глаза...

Плечут ли они, смеются —
Не слышны их голоса...

Льются с этих фотографий
Океаны биографий,
Жизнь в которых вся, до дна,
С нашей переплетена.

И не муки, и не слезы
Остаются на виду...
Свет — и ничего другого,
Век — и никаких чудес.

Мы живых их обнимаем,
Любим их и пьем за них...
...Только жаль, что понимаем
С опозданием на миг!

(Б. Окуджав)

Р. ОКУНЬ.

Мартин...

Сощуренные добрые и насмешливые глаза под стеклами очков, родное, милое лицо, постоянная легкая полуулыбка на губах...

Всегда ироническая речь — никогда не знаешь: шутит или говорит всерьез. В начале знакомства верила каждому его слову и часто попадала впросак (поверила ему, что в Байрам-Али у них во дворе общежития на баобабе росли плоды какао — меня долго дразнили "баобабом").

А что было у него в душе, внутри? Не думаю, что был кто-нибудь, даже самый близкий, который знал бы это, — трудно себе представить человека более закрытого. Иронией он защищал себя, как щитом, от окружающего мира. Можно только догадываться, какую боль он в себе носил постоянно, какое отчаяние, безысходность. И неудивительно: что пришлось ему еще подростком пережить! Арест родителей, клеймо сына "врагов наро-

да", страх, что отошлют в детдом, беспокойство за судьбу отца и матери, затем война, эвакуация, голод, заброшенность, возвращение родителей, жизнь всей семьей в крошечной комнатенке без удобств, повторный арест матери. Все наше поколение прошло тяжелый путь, а Мартин — особенно. Это не озлобило его, не сломало его преданность своим близким, друзьям, их детям, его способность любить их были совершенно исключительны. Наша дочь Лика говорит, что Мартин был первый в ее жизни взрослый, который относился к ней уважительно, как к равной. Не забыть, как он читал моим детям английских поэтов в перево-

де Маршака, особенно часто "Весной поросята ходили гулять..." — особенно подчеркивая последние строчки: "Мой мальчик, рассчитывай силы свои" и т. д. Видно, было в нем много нереализованных отцовских чувств.

Он горячо поддерживал наше решение уехать, хотя для себя считал это невозможным — по своей необыкновенной скромности считал себя недостаточным профессионалом, чтобы работать в другом месте. 9 мая 72-го года мы сидели втроем в парке Шевченко, Мартин — между Мишей и мной. Мы с Мишей были убиты отказом нашего сына и невестки ехать с нами и мучились, колебались, не зная как поступить.

Вдруг Мартин повернулся ко мне и с необыкновенной эмоциональной силой, вовсе ему не свойственной, чуть ли не закричал: "Санька не едет — бросайте Саньку! Мишку не пустят — бросай Мишку — спасай Лильку!". Этот его крик решил дело — мы решили ехать без сына.

Я не верю, к сожалению, в Бога, но иногда верю в бессмертие души. Как-то я слушала по радио Баха к вдруг меня пронзила мысль, нет — знание — это душа Мартина говорит со мной. А посредством кого еще Эта душа могла говорить?!

Сабина ХЕЙФЕЦ-КРАКОВСКАЯ.
Тель-Авив.

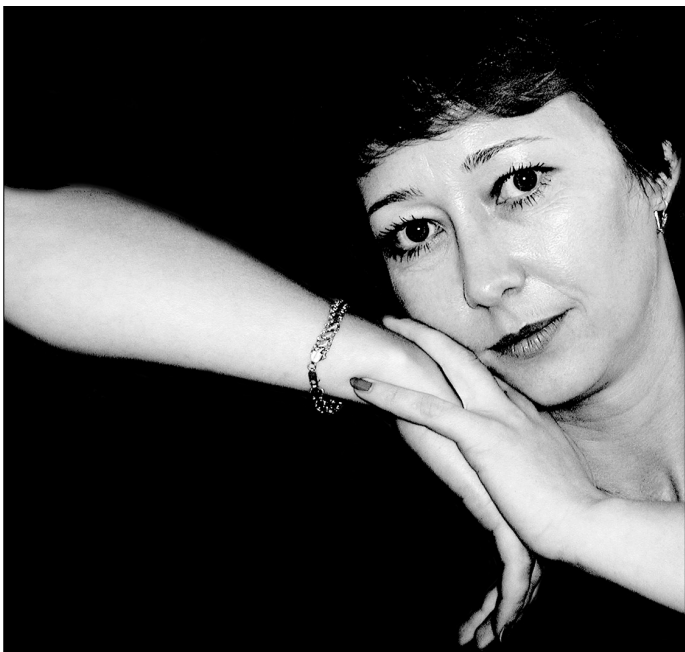
Многие думают, что Евгений Волокин начинал свой творческий путь в журналистике с информации. Это правильно. Но не совсем точно. Уже тогда, в 80-е годы, он работал и фотокорреспондентом. И иногда его фотографии были более выразительны, чем текстовые сообщения.

Но кто мог подумать, что фотокор такой пуританской газеты, как "Вечерняя Одесса", одновременно снимает эротические композиции и может поспорить в этом с метром Дмитрием Зюбрицким?

Давно уже не публикует свои фотографии Евгений Волокин. И сейчас, когда начинается весна, мы решили полистать его фотоархив и предоставить нашим читателям избранное из того, что не попадало на страницы газет.

Е. Г.

Александр ГРИНБЛАТТ

Метаморфозы

Эммошке Фридман

Разгулявшемся ветру вторил шум морского прибоя. В домах на припортовом спуске поскрипывали старые балки, подрагивали стекла. Воздушные потоки будоражили бронзовые струны замковых часов и наперегонки неслись с разбуженным бархатным гулом по всей округе. Замком особняк звался, пожалуй, за высеченный по центру герб, зубчатые башни и кружевные решетки. Причудливая конструкция покоилась на бетонных колоннах, меж которыми выдвигался телескопический лифт с резной дверью. На двух этажах, огибающих раскидистую магнолию, жил некто, именуемый грандом или доном Фордано. Его действительного имени никто не знал. Еще о нем говорили "тот, в чей дом вращается дерево". Замок менял конфигурацию, по мере того как ветви с огромными полированными листьями и атласными цветами простирались все дальше от могучего ствола. За многие годы фасад приобрел вогнутую "кривичность", которая полукольцом опоясывала дерево с гигантскими корнями, разбегающимися волнистыми наростами. Одновременно задняя сторона дома становилась все более выпуклой и подступала к склону горы; балконы же вдоль верхних этажей растягивались в длинные галереи.

Вечерами фигура дона Фордано, разгуливающего по галереям, высвечивалась раскаленной точкой сигары, которую он неизменно выкуривал перед сном. Местные жители в замок доступа не имели и оттого с хозяином знакомы не были. Лишь почтальон изредка пробирался в пространство под домом, чтобы доставить журнал "Антиквар" на имя табачной компании. Через минуту, покрытый испариной от пережитого напряжения, он появлялся на противоположной стороне полукруга. Растрепанные коты, для которых темный закут сделался убежищем от камней и бутылок, шипели и злобно выгибали спины.

Не одно поколение соседей выросло рядом с замком и с детства слышало о его обитателе. И все же интерес к личности хозяина магнолиевго особняка никогда не ослабевал. Дон Фордано был не просто загадочной достопримечательностью. Его присутствие, как и сам замок, служило источником местного патриотизма. Приезжим первым делом рекомендовали сходить к магнолии и рассказывали занятные притчи, которые с годами обрастали новыми подробностями и действующими лицами.

Паразитские были обстоятельства жизни гранда: он не болел, не прибегал к посторонней помощи и не умирал. С одной стороны, все принимали это как должное; с другой же, отсутствие сведений порождало сомнение в достоверности историй, объясняющих его долгий век. Наиболее популярная и потому наименее вероятная сообщала, что дон Фордано был никем иным как Мордехаем бен Исраэлем, одним из двух близких друзей детства Иешувы из Назарета. Когда Иешува после многолетнего отсутствия возвратился в родные места пророчествовать и вести за собой племя иудейское, он призвал обоих друзей. Мордехай, сославшись на состояние жены (беременность Двойры была осложнена шумом в ушах), а скорее всего, потому что не желал оставить красильни без присмотра, увильнул от сопровождения оборванца, назвавшегося сыном Божиим. Тем не менее, Иешува, зная тернистые пути своего учения, надежды Мордехая бессмертием, чтобы тот свидетельствовал истину.

Всякий раз, повторяя знакомый сюжет, рассказчики поднимали палец и закатывали глаза на верхние этажи замка. Родители приводили к магнолии расшалившихся чад и за

непослушание устрашали их карой Мордехая. Иногда же от имени дона Фордано детям давали конфету за добрый поступок, скажем, ябедничество на старшего брата, постанывающего в туалете, или на кузин Мальпину, Дорзефину и Леольдину, к которым ладно липли любые прегрешения. Так поддерживалась своеобразная слава неизвестного гранда.

Ссылки на Библию и самого Иешу-ву притягивали к сюжету изрядное число легковверных, но местный священник, отец Монди Казаранта, выпячивая глаза и стуча кулаками по амвону, отвергал какое-либо причастие к священному писанию "того, в чей дом вращается дерево". Логика отца Монди была безупречной: если бы гранд действительно был другом детства Учителя, он бы пришел в церковь получить благословение. Поскольку ничего подобного не происходило, дон Фордано следовало считать самозванцем.

Тем не менее, значительную часть прихожан священнику убедить не удалось. В итоге приход раскололся на два лагеря: мондистов и всех остальных. Особых баталий между ними не происходило, но окна друг другу обе стороны исправно били и автомобильные шины прокалывали. Делегированный епископатам аббат Цирпа призывал противостоящие силы найти общие точки в вере и баскетболе. Он также обращал внимание на сомнительную подоплеку конфликта, но и мондисты, и антимондисты мысля настолько не углублялись, зевали на воскресных проповедях аббата и с нетерпением ожидали выхода из церкви, чтобы высказать правду во "вражеские хари". Единственным пунктом, по которому обе стороны пришли к соглашению, было прекращение склок во время богослужений.

Группировка же почтальона Иллариона Пердон кыш Ладрон доказывала, что дон Фордано был прямым потомком графа Калиостро, способным по картинкам в журнале "Антиквар" воспроизводить физические объекты. Неведомые доходы хозяина замка не оставляли почтальону иного объяснения как махинация на интернете с предметами старины. Тем же интернетовским эффектом объяснялось фордановское долготеление. По статистике каждая вторая семья в городе вслед за холодильником стремительно приобретала компьютер, чтобы тоже подключиться к источнику неиссякаемой жизни, а каждая четвертая еще использовала монитор в качестве груза для квашения капусты, наделенной целебными противозапорными свойствами.

Отец косоглазого подростка, полицейский-мондист, который жил напротив замка и был известен запоями и драками с последующим лечением, на исповеди поведал отцу Монди об одном загадочном происшествии. Как-то скучным вечером его сынок выстрелил из рогатки, прицелившись в огненную точку сигары, но камень ударился о невидимую преграду и отскочил сынку в лицо. В доказательство папаша показал отпрыска, а затем на протяжении полугода таскал мальчишку в винные подвалы и демонстрировал синяк то на его скуле, то на лбу, а то на локте. Лишние синяки списывались на нравовучение, получаемое от матери за то, что неугомонное чадо пукало ей в глаза зайчики в то время как она полоскала бельё. Стараниями отца Монди косоглазо-полицейская история стала достоянием общественности. Священник использовал происшествие для доказательства антибиблейского происхождения дона Фордано. Друг Иешувы никогда бы не заставил страдать того, кто пытался вкатыть ему камнем по щеке.

Серуно Квартани, репортер газеты "Сквозняк Daily", на одной из проповедей отца Монди расчувствовался настолько, что дал обет всецело посвятить себя собиранию сведений о

магнолиевом замке и его владельце. Как репортер ни старался свести разрозненные сведения в единое полотно, у него ничего не выходило. Сомнений было много. Среди приобретенных им документов была копия контракта между доном Фордано и его зрителем, который должен был жить в замке в отсутствие хозяина и, как ни удивительно, выкуривать по одной сигаре перед сном. По другим бумагам, содержание которых оставалось неясным, выходило, что дон Фордано время от времени исчезал из истории, а потом необъяснимо появлялся. Так кто же проживал в замке? Всегда ли это было одно лицо? Не менее странным казалось и то, что никто не свидетельствовал истину. Трудно поверить, что она существует только для того, чтобы ее скрывали. Если же это действительно так, то непонятно, почему нужно скрывать то, что предполагалось нести. Правда, мондистская философия пояснила, что свидетельствовать нечего, ибо что имеется, то и есть истина. Временами под воздействием тех или иных доводов мондисты и антимондисты меняли свою приверженность. В таких случаях ниспровергнутое вчера возводилось на пьедестал ниспровергнутого сегодня. Отец Монди называл такой процесс "сублимацией истины".

Появление второй особы в замке вызвало новую волну предположений и догадок. Жившие на вершине горы клялись своими банковскими счетами, что вторая фигура предстала их взору в виде опаленного закатом дракона, который под прикрытием последних лучей солнца спланировал на центральную башню замка и растворился в наступивших сумерках.

Той же ночью дон Фордано (или не дон, или не Фордано) вышел на балкон второго этажа с сигарой и свечой, осветившей рыболовное удище у шезлонга с красными и желтыми кругами. (Некоторые свидетели настаивали на полосах вместо кругов.) Пока дон Фордано или его зритель раскуривал сигару в шезлонге и что-то цеплял на крючок, в одном из окон третьего этажа загорелась другая свеча, и на стене комнаты отпечатался контур женской фигуры. Женщина взяла гитару и запела непонятную песню на грустном языке.

На выпуклой стороне замка бежался народ. Колдовское пение заставляло многих позабыть о накрапывающем дожде и усиливающем ветре. Пожилой мужчина с усами, галстук-бабочкой и тростью прошептал: "Она поет на ладно...". Толпу это не интересовало. Гундосое предупреждение от толстяка в тельняшке вынудило пожилого отступить в задние ряды. Но его усы, галстук-бабочка и трость остались на прежнем месте.

После небольшой паузы женщина запела колокольным звоном. Слушатели начали всхлипать. Вскоре мужчины, женщины и даже дети опустились на колени прямо в лужи. Звон кончился, однако никто не сдвинулся с места. Люди ожидали, что чудо еще повторится, но голос более не пел и не звенел. Порывом ветра распахнуло окно; свеча, увлеченная воздушной струей, потухла. Лишь на мгновение осветились длинные волнистые волосы и большие темные глаза на оливковом лице.

На следующий день народ начал стекаться к магнолиевому замку с полудня, но пение не повторилось. Окна были наглухо закрыты. После долгого ожидания и многократных перебежек с тыльной стороны к фронтальной и обратно разочарованные горожане разошлись. Ночью же многие проснулись и заморожено выставились в окна, гадая, был ли это перезвон колоколов или тот же магический голос. Город продолжал бы бодрствовать, но голый полицейский спяну заорал через форточку непотребные слова. Пение оборвалось, и слушатели вынуждены были вернуться ко сну.

Ночное событие всколыхнуло горожан и снова разделило их на две партии: защитников ночных представлений и сторонников крепкого сна. Интересно, что реакция жителей окраин, понятия не имевших о пении, была полностью на стороне горластых поборников тишины. Отец Монди во избежание новых раздоров предложил организовать референдум, но никто на его побуждение не откликнулся. Аббат Цирпа обидел животных, которыми обозвал прихожан, высмеял отца Монди за "неразоблащенное тщеславие" и отбыл в горный монастырь восстанавливать "потрапанные за веру нервы".

На заходе солнца следующего дня косоглазый подросток с противоположной стороны улицы опять открыл огонь из рогатки по двери замкового лифта и был поддержан папашиним пронзительным свистком. В свою очередь свисток побудил к действию кузин Мальпину, Дорзефину и Леольдину, которые не раздумывая побежали к замку с крышками от кастрюль, половниками и мужьями. (По правде говоря, Дорзефина со своим расписана не была.) В азарте к ним присоединились и другие. Замок был темен и молчалив. Возмущение толпы от этого только усиливалось. Неожиданно шум стих. Люди удивленно разглядывали галерею верхнего этажа, откуда на них усталились желтые глаза волка. Папаша-полицейский пришел в себя первым, но подумал последним. Он выхватил из кобуры револьвер и выстрелил в зверя. Пуля со скрежетом отскочила от цели — полицейский охнул и плашмя повалился на землю. Народ в панике закричал и бросился прочь от жуткого дома. Пожилые усы, галстук-бабочка и трость получили чем-то по запылку и свалились на траву рядом с остывающим полицейским.

Последующие три дня были днями скорби. На работу никто не выходил. Жертву хоронили и город, и провинция. Кампания вылилась в патристические гуляния. Самые идейные несли дежурство у магнолии. Пока народ увлеченно предавался горю, мэрия постановила повесить мемориальную доску в честь погибшего блюстителя порядка. Необходимые средства решено было выискать через суд с дна (или не дна) Фордано (или не Фордано). Городской прокурор Бумбо Гуталини при выписывании повестки смешался на графе "имя". Тем не менее, бумагу он подписал и печать поставил. Затем отправил документ в корзину для мусора и аккуратно вывел в реестре "исполнено".

Четвертый день запечатлелся шествием с хоруговьями в приморском парке, хоровым пением на кладбище и салютом береговых батарей. Тем временем корни и ствол магнолиевго дерева обильно пачкались на уровне человеческого зада. Сорванные атласные цветы измазывались и разбрасывались по всей округе. Горечь утраты сменялась резким запахом.

На пятый день над замком появилась дирижабль. Свисающая с него красная лента золотыми буквами призывала воспользоваться бесплатной подпиской на воскресный выпуск газеты "Сквозняк Daily". Отец Монди, наблюдая за рекламой, дважды перекрестился и поцеловал собственную руку. Из дирижабля сыпались листовки с изображением голых дамочек и расфранченных кавалеров. Картинки кое-что предлагали, но к смерти полицейского это отношения не имело.

Через неделю о полицейском вспоминали не чаще, чем о дожде над Сахарой. Возможно, вся история окончательно была бы предана забвению, если бы не пьеса "Аромат смерти", сочиненная по мотивам замковой трагедии. Во время представления сам постановщик (он же автор) Батерфляйчик разбрасывал по залу "злущающие" цветы магнолии, как потом он писал в объяснительной записке, для правды жизни.

Город кишел слухами. Опять же со ссылкой на почтальонову жену Кристальду парикмахер Виги Пелюка рассказывал клиентам о том, что со второго этажа замка прямо в рот почтальона упало драгоценное кольцо. Сразу же заурчал лифт, дверь распахнулась, и женщина с волнистыми волосами выставила раскрытую ладонь. Почтальон пытался убежать, но она запела колоколом. Тогда он упал на колени и пополз к ней с распахнутым ртом. Больше с колен он так и не встал. В тот же вечер Кристальда вызвала скорую помощь, чтобы доставить ползающего мужа в городскую больницу. Через день больной был направлен для обследования в психиатрическую клинику.

В этом месте Виги переходил на шепот: "Точно инопланетянка...". После вздоха он заключал: "Старый Зильбер был золотом. Он мне всегда говорил: "Виги, в ихней мелихе не сказать значит больше, чем смолчать. Потому что только смолчать — это уже быть недовольным. Кто же это может взять на себя? Этого вам лучше не скажет никто! Нечеловеческого ума был банщик! Вот и я интересуюсь, зачем она нам?".

На Пасху в арбузной гавани пришвартовался средневековый шлюп с венецианскими дожами. По городу тотчас пронесся слух, что прибыл сам дон Фордано, исчезнувший на пять веков во избежание чумных эпидемий и партийных чисток. Кроме того, авторитетно сообщали, что Венецию перенесут сюда, поскольку там она идет ко дну. Горожане были возбуждены беспредельно: если Венецию и вправду перенесут, то наверняка в городское управление придет новая мафия. А если так, то перемены начнутся с мэра Азунга, от которого избиратели не могли избавиться на протяжении трех десятилетий. Заодно можно будет указать на дверь и назойливой Дзюкочке Азунга, которая обложилась "пожертвованиями" все бизнесы.

На причале скопилось несметное количество зевак, с восторгом глазевших на венецианские одежды. Усы, галстук-бабочка и трость выкрикивал приветствия по-венециански. Дожи почему-то не обращали на него внимание. Ровно в пять часов над судном застыл воздушный шар бирюзового цвета с изображениями семи черных музыкантов и двух розовых певиц в зеленых платьях. По сброшенной веревочной лесенке все дожи полезли в корзину, из которой торчала дека контрабаса. Когда же дошла очередь до бульдожа, радостно помахивающего хвостом, главный дож крикнул из корзины: "Бэз нас нэ хавай!" — и погрозил твари кулаком. Толпа ахнула и побежала по берегу за низко летящим воздушным шаром, который, достигнув магнолии, завис в воздухе. Первым к корзине подбежал отец Монди и зашептал неуставную молитву от порчи. За то время, что венецианцы спускались со своими музыкальными инструментами, вокруг скопилось немало людей. Из-за барабана мелькнуло измученное ночным творчеством лицо Серуно Квартани. Репортер решил воспользоваться подвернувшимся случаем и проскользнул в лифт вслед за музыкантами.

Два месяца спустя на прилавки книжных магазинов лег первый выпуск "Трех часов на борту Вселенной". В книге с большим количеством иллюстраций, сделанных по воспоминаниям автора художником Авраа-шей Кноксом, подробно описывалось устройство инопланетного замка и жизнь его обитателей. Самому репортеру необычайно повезло: ему *per rectum* ввели эликсир гениальности, после усвоения которого он овладел межпланетным жаргоном и смог взять интервью у дна Фордано.

Мэр города, престарелый Дики-Дики Азунга, назвал книгу бредом кастрированного петуха, но как только серуновский опус побил все рекорды популярности, его мнение измени-

лось, о чем он с гордостью написал в предисловии к следующему изданию. Кроме того, для привлечения туристов мэрия постановила соорудить тематический парк "За три часа вокруг Вселенной", в котором с бортовых галерей замка посетители смогут ловить пластиковую рыбу и бесплатно курить сигары, входящие в стоимость билетов.

Парикмахер Виги Пелюка, среди клиентов которого был и Серуно Квартани, на пятый день скупил остаток тиража и попросил автора подписать три книги для племянников. В доверительном разговоре он сообщал каждому стригущемуся о том, что обладал лишним экземпляром с писательским автографом. После недолгих переговоров Виги нехотя соглашался продать заветную книгу за тройную цену. К концу второго месяца были реализованы все десять тысяч томов, и господин Пелюка открыл астрально-косметический салон "Звезду За Красу" с мадам Зильбер на кассе и режиссером Батерфляйчиком, изгнанным из театра за пахучее новаторство, в качестве менеджера.

Несмотря на гигантский тираж книги, дела самого Серуно Квартани приняли трагический оборот. Его жена Маха неожиданно объявила о разводе и предъявила Серуно иск на полную сумму гонорара плюс один доллар. В домашнем скандале она пригрозила мужу, что в случае его отказа удовлетворить ее требование она сообщит миру о том, что все неблизичи он стянул из детской книжки 1926 года издания, а из лифта был выставлен еще до подъема в замок.

Серуно метался по новому дому в поисках решения и выкрикивал: "Убить суку!". Знаменитого репортера-исследователя с бейсбольной битой и пеной на губах задержали в здании мэрии и поместили в психиатрическую клинику с диагнозом иноплатентно-маниакальный синдром. Мадам Квартани отозвала иск из суда в связи с получением опекуна над умалишенным мужем. Ее единственным огорчением было заявление психиатра, что для Серуно, возможно, не все потеряно.

Когда в субботнем выпуске "Сквозняк Daily" был опубликован некролог, посвященный скончавшемуся на девяносто восьмом году жизни барону Херуце фон Шмузер, ни одному читателю не пришло в голову увязать имя покойного с доном Фордано. Даже задрапированные черным муаром замковые часы ни на что не надуумили. Через два дня к особняку подъехал катафалк, и четверо молодцов в ливреях вынесли желтый гроб с галстуком-бабочкой и тростью поверх крышки.

Только тогда по городу поползла тревожная весть о том, что дон Фордано съехал навсегда. Сплоченные отсутствием виновника разногласий, мондисты и антимондисты во главе с прокурором Гуталини сформировали чрезвычайный комитет по возвращению исторической ценности города. Комитет начал свою деятельность с призывов "жертвовать и бдеть на подозрительные явления". Были созданы два отдела, четыре сектора и распределены должности. Горожане с энтузиазмом встретили решение администрации ввести налог на местный патриотизм, взимаемый пропорционально любви к городу, "для поиска гражданина дна Фордано". Как только указ был опубликован, налогооблагаемая толпа сбилась перед зданием прокуратуры для сдачи средств. На собранные деньги город отрядил семейство Гуталини с зятями в кругосветную поисковую экспедицию на шесть месяцев.

В тот же час, когда окрыленный народ махал платочками во след уплывавшему кораблю, в астральный салон красоты "Звезду За Красу", вошла клиентка в черной вуали. Мадам Зильбер, "цимисная голова", сразу же вычислила в ней колокольную из замка, а вот Мальпина, Дорзефина и Леольдина, работавшие в салоне в качестве косметологов-проричатель, только снисходительно скользнули по ней взглядом. Ничего интересного, кроме колоды на левой руке, они не отметили. И напрасно.

Инкогнито сняла вуаль и попросила укоротить волосы до уровня плеч. Дорзефина то ли не поняла, то ли приняла собственное решение, отсекла ей треть волос под самым ухом. На колокольный крик незнакомки прибежали Мальпина и Леольдина. Сама же Дор-

зефина с перепугу присела на корточки, чтобы вползти в нишу под умывальником. Как только раздался хруст шейных позвонков, ее большое тело конвульсивно содрогнулось и распласталось на полу. Клиентка спокойно перешла в кресло Леольдины, которая, разрываясь между чувством и долгом, не сдвинулась с места. Мальпина же подскочила к незнакомке и шепотом спросила: "Кк-ак вв-ас зз-аделать?". Женщина в ответ заколочила на своем языке. Слезы бедной мадам Зильбер хлынули на компьютер и вызвали короткое замыкание. "Звезду За Красу" погрузился во мрак. Бывший театральный режиссер на ощупь подполз к телу Дорзефины и нежно обнял ее половинную шею. Именно в этот момент в салон вошла жена мэра, Дзюкочка Азунга, чтобы обратиться к Виги Пелюка за добровольным взносом в фонд защиты глиняных тарелок от огнестрельного оружия.

Город сдержанно реагировал на скорбное событие. Служащие по разнарядке мэрии собрались у магнолии, где Дики-Дики объявил о том, что жертвы не бывают напрасными, и память о Дырпизине (покойница за чем-то сменила имя) сохранится надолго во внутренних органах горожан. Расходились быстро, без разговоров. На следующий день состоялись похороны. Траурный митинг пришлось отменить. Кроме кузин и коллег явились только выступающие и хроникер "Сквозняк Daily". Последний ушел первым. Поэтому смысл в проведении митинга отпал.

После кладбищенской церемонии по дороге домой Виги Пелюка оставался у магнолии; его поразил странный вид дерева. Маха Квартани еще издала замечательное поведение парикмахера. Она тоже задрала голову. Приблизившись, спросила, как дела в салоне. Он неопределенно пожал плечами, полагая, что их встреча тем и ограничится. Однако Маха стояла под деревом и продолжала улыбаться.

— Вам не кажется, что магнолия съезжилась? — спросил парикмахер. Маха снова бросила взгляд наверх. — Пожалуй... — проговорила она. — Действительно!

Оба на какое-то время умолкли. Маха кашлянула, но парикмахер не заметил ее маневра. Тогда на его ногу упала ее сумочка.

— Спасибо, Виги, — сладким голосом прожурчала Маха. — Вы знаете... — она запнулась и кончиком языка облизнула верхнюю губу.

— Знаю что, мадам? — Пока это тайна, Виги, но вам как будущему другу...

Маха взяла ладонь Виги и стала водить по ней указательным пальцем.

— Виги, только мы вдвоем сможем это сделать...

— Да, мадам?..

— С вашим опытом...

— Мадам, я уверен, мы найдем общий язык...

Серуно Квартани и почтальон Илларион Пердон кыш Ладрон оказались в одной палате с одинаковым диагнозом и сразу же породнились. После того как каждый живо рассказал свою одиссею более десяти раз, их изложение слилось в одно общее. Что произошло, так это поведение их жен. Почтальонша регулярно навещала мужа. Репортерша же нос не казалась. В разговорах новых друзей Маха фигурировала не иначе как "сука".

Кристалда приносила "вкусненькое" на двоих, потому что и жалко было брошенного репортера, да и сгодиться он мог. Серуно сначала был тронут до слез, а потом уже освоился настолько, что первым залезал в кошелку и вытаскивал из нее свертки со снедью. "Сука" объявилась через три недели и в слезах поведала, что ее похитил серый волк, от которого она едва сумела сбежать. Больше она ничего не рассказывала, а кинулась к мужу и начала его обцеловывать, приговаривая:

— Родной мой, правда, тебе лучше? Ты меня не оставишь, любовь моя? Я так плакала, когда ты кричал, что повесишься и бросишь меня! Я места себе не находила! Но это была болезнь!

— Махунечка! — простонал растроганный репортер.

— Серуночек!

Коленопреклоненный сопалатник удивленно глядел на счастливую пару. Когда Серуно помнил его, благодарный Илларион подполз к супругам и поцеловал их лодыжки. Ошарашен-

ная сука носовым платочком смахнула слезу. Вдруг она хлопнула себя по лбу, извлекла из сумочки запечатанный конверт и протянула его мужу.

— Что это? — спросил репортер.

— Не знаю. Думаю, контракт на второй том. Пришел сегодня утром...

— Второй том?.. — Серуно разорвал конверт и расплылся в улыбке.

Маха тоже сияла и одобритительно кивала. Их руки сплелись на махочкиной груди.

Театр ставил новую пьесу по следам гибели Дорзефины под названием "Астральная жертва". Опальный режиссер-автор был возвращен в театр с испытательным сроком и урезанной зарплатой. Поэтому творил Батерфляйчику приходилось без отрыва от парикмахерской. На главную роль он пригласил Мальпину, которая и лицом, и фактурой была близка к прототипу. Правда, Мальпина вынуждена была уволиться из салона красоты, так как директор театра заартачился и ни в какую не хотел маникюршу. В свою очередь Мальпина сочла невозможной дальнейшую связь с мужчиной, который все пятнадцать лет их супружества чинил проржавевшие трубы и был далек от искусства. Поскольку жизнь пока была не устроена, Мальпина пристроилась в постели Батерфляйчика.

После премьеры мэр Азунга прямо в ложе потребовал от Дзюкочки соглашения на развод. Дзюкочка пригрозила покончить с собой. Дики-Дики засмеялся: "Как же тебе станет лучше, когда мне будет хуже?". Сразу и порешили, что самоубийство отменяется. За портьерой Дзюкочка дала Дики-Дики оплеуху и тут же получила ответный плевком в лицо. После этого они вышли из театра под руку и сели в авто.

На следующий день Маха на работу в мэрию не вышла. Дики-Дики позволил ей домой, но трубку почему-то снял парикмахер Пелюка и сухо посоветовал мэру не звонить больше в этот дом. Маха вырвала трубку и крикнула, что ее планы опять серьезно изменились. Мэр схватился за сердце. Через несколько часов город узнал о его долгожданной кончине. Маха позвонила Дзюкочке, чтобы выразить соболезнование, а Дзюкочка заверила ее, что они расстаются с любовью.

Кристалда Пердон кыш Ладрон после расслабляющего "вкусненького" выудила из репортера несколько реплик, проливших свет на замысел Махи. Вскоре в голове почтальонши созрел план изобличения "суки-стервы". Она позвонила в редакцию "Сквозняк Daily" с предложением коопромата, но там ответили, что редактор занят. И действительно, Жонзи Панасюк готовил первую речь к избирательной кампании за кресло мэра. Тогда Кристалда позвонила Махе Квартани домой и стала ее шантажировать. К удивлению Кристалды Маха была любезна, сказала, что не все так просто в жизни и что готова прямо сейчас приехать и объясниться. Договорились встретиться в садике за церковью. Вечером того же дня под кустом жасмина отец Монди обнаружил труп женщины с перерезанным горлом. Рядом лежала опасная бритва.

Возбужденная прокуратура прекратила дело после заключения вице-прокурора Капакабаниса о том, что "почтальонша сама себе перерезала горло обстоятельствами личной жизни". Однако через некоторое время брошенный паствой отец Монди в попытке восстановить былые влияния обвинил магнолиевый дом в сионистском заговоре против почтовых служащих. Подозрение сразу пало на обитательницу замка. В ходе повторного следствия выяснилось, что таинственная певица задолго до смерти почтальонши подалась на воздушном шаре не то в Венецию, не то в коммерцию. Тогда же удалось установить, что последние 90 лет замок не платил за электричество. Правда, прокуратуре не удалось доказать, что замок потреблял электроэнергию.

В доме с противоположной стороны, на фасаде которого собирались установить мраморную доску, все оставалось по-старому. Косоглазый мальчик рос быстро и превратился в детину с усами и челкой на глаза, что придавало ему сходство с усопшей мамашей. Молодой человек, однажды поработав мозгами и прочими важными частями, заключил, что косоглазие, как и все остальные качества, унаследованные от родителей, не-

пременно должны быть сохранены и умножены, для чего приобрел кровать матримониального размера. Над ней повесил черно-белый портрет папашы в полном обмундировании, выгодно отличавшем его от нарушителей. Портрета мамы в доме не обнаружилось. Таким образом, все было готово для привода новой хозяйки. Перспективный жених сверкающими в разных направлениях глазами пригладил ее на собрании Комитета по розыску дна Фордано и после испытательного матраца повел под венец. Бранная ночь началась с брани, но закончилась вполне традиционно. Поздним утром, когда солнце уже успело серьезно потрудиться над лужами от ночного дождя и занять срединное положение на умытом небе, муж поднялся с постели и мечтательно почесался ниже пупа. Жена, опершись о подоконник, разглядывала улицу с таким выражением, будто видела ее в первый раз. Косоглазый подошел ближе и прижался к ее разгоряченному затылку. Она же не отводила взгляда от окна.

— Ну куда ты уставилась?

Он хлопал себя по животу. Сильными пальцами помял лакомые ягодички, приобретенные им в законное пользование, и лихо шлепнул по одной. Она хихикнула и выгнулась еще привлекательней.

Через минуту он помутневшими глазами увидел...

— Ядрено знамя! Магнолия и замком ты-то!..

— Ага... ага... — прерывисто дыша, выпалила жена. — А другие-то... совсем другие...

Косым взглядом он скользнул по соседним домам на противоположной стороне улицы. Над слегка вогнутыми фасадами выросли башенки, а на самой высокой появились часики... Они отбили полдень, после чего и башня, и стрелки удлиннились... На церковном куполе вместо привычного креста кривилась дуга, а внутри нее поблескивала звездочка. Косоглазый отпрыгнул от подрагивающего тела жены и бросился в ванную, одержимый мыслью об обрезании... Одной рукой он оттянул лишнюю плоть, а второй перекрестился и под завывание "Аллах с ним!" отсек прежнее веру.

— Бум-бом... — отзвонили часики.

Где-то в районе Старого базара прогремел взрыв и завывающая пожарная сирена. Со стороны порта в город врывался дирижабль с коммерческой рекламой "Табак Фордано": на чисто выбритом старческом лице вместо усов торпачились галстук-бабочка, а во рту — огромная сигара, из которой вился настоящий дым.

Коты обнюхивали круг, в котором прежде росла магнолия, растерянно скребли землю и перебежали с места на место.

Виги любовно поглаживал обложку второго тома "Вселенной" с собственноручным посвящением самому себе. Его имя золотилось между серуновским и махочкиным. Третий салон красоты он назвал без затей — "Клеопатра у Фигаро".

— Бум-бом! Бум-бом!

На подоконнике жена косоглазого, упакованная с головы до пят в черное, жалобно зазубривала: "А салаями аллеиками", — и обтирала запрещенные подмышки.

Леольдина страдала от скоропостижно обнаруженного у себя таланта, который был лучше мальпинкиного, но "перспективы для него не подвораживались".

Мадам Зильбер в двухсот третий раз выдыхала на золотой медальон, полировала его кулаком и сокрушалась над проступающей медью.

Портя Батерфляйчик, уединившись в ведре (унитаз был забит творческими отходами), подходил к выводу, что продуктивная мысль вовсе не является продуктом мышления.

И только отец Монди Казаранта уверенно шагнул в неизвестном направлении, зная наперед, что вера в себя... обязательно выведет.

— Бум-бом... Бум-бом... Бум-бом...

На спуске, сбегающем к порту, воздушные дуновения мягко перебирали бронзовые струны подрастающих часов и разлетались вместе с юными тонкими звуками по старым кварталам до самой мэрии, с балкона которой Жонзи Панасюк и его новая жена Маха тревожно озирали врученный их опеке город.

Мимо пронеслись перемены.

Алена ЩЕРБАКОВА Острову Крым

Из птиц, долетевших до края моря, Не встретилось ни одной, чей голос Стал бы напоминать о покое... Впрочем, порою море Можно принять за точку отсчета, А одинокое утро за память, Тогда-то только легко представить Путь по песчаному гроту Из Нового Света в Морское, Где, тронутые водою, Тени менее резки В пределах видимого отрезка, И профиль друга — На каждой каменной фреске Скал, лежащих по ту сторону света И тени, — обратно взгляду. Выходит,

в пространственном измерении Нет наречия "рядом"...

Полет птиц — продолжение горизонта, Условность линий, Вот и лицо твое порою Приобретает вид размытого негатива, Оставляя следы,

отстраняя от сердца город. Если дорога

удваивает возвращение — То встреча наступит не скоро...

В том краю, где безвременье оглушает любой Захлебнувшийся стон тишины, озноба и ветра,

Четырех из букв, не сумевших в образ влиться иной, Распростертый на тысячу километров, Став тем призраком, чьих одежд Мы ночью не различаем — Но постель остывает прежде, Чем я, покурив, возвращаюсь.

"...Я список кораблей прочел до середины" О. Мандельштам

Меня еще твой миф не уронил На дно бездонной вазы Атлантиды, А я уже теряю по транзитам Простых бесед и растворенных книг Улыбку, собирая по частям Свой голос, взгляд... —

на полотно не итти, Нанизываю сны на панцирь мидий Для промысла китовым плавником; Оберегаю рукописный клад На царственных пергаментах весталки.

Когда один внезапный ветра вал И век крушат дворцы свои подряд, Как список кораблей, по именам, Не все ль равно, что остается после, Когда над головой такие звезды, К чему теперь живым преданья нам?..

Del arte

Памяти А. Вертинского

Вместо вина в бокал налить стеарин. Из пропасти голос тих, не слышен. Я — Коломба, ты — мой визави. Ты только тихонько меня позови. Живые не слышат —

а мертвым не пишу... Сухой ветер треплет афиши; Тонкими пальцами

горло сдавливает кокаином; Страшно от темных нот

твоего голоса. Как же здесь вечерами холодно, В сверкающем конфетти фар

и витрин! Моих писем не расшифровать —

Пепел их черен, неяр, матовый, Я продаю билеты в бродячий театр На счастливый спектакль С несчастливым лицом И с расколотым детским карминовым сердцем.

Аргентинское танго

Аргентинское танго — навзлет, навзрыд,

Черных платьев качающийся надрыв, С поворотом лиц — тени падают ниц, Каково едва по земле скользить?! Замирание сердца сбивает счет, Поворот — полет — поворот —

вне нот, Обнаженность рук,

обреченность фраз, И ты ближе,

чем нужно ко мне сейчас.

Я не знаю, как долго чадит огонь, Но в твоей ладони — моя ладонь, И уже вплотную друг к другу в анфас, Плечи выжжены солнцем

и углем глаз. Аргентинское танго не превозмочь, Дробный шаг, накаляя,

взрывает ночь, Так, наверно, танцуют

в последний раз, В этом танце сгорает один из нас.

лось, о чем он с гордостью написал в предисловии к следующему изданию. Кроме того, для привлечения туристов мэрия постановила соорудить тематический парк "За три часа вокруг Вселенной", в котором с бортовых галерей замка посетители смогут ловить пластиковую рыбу и бесплатно курить сигары, входящие в стоимость билетов.

Парикмахер Виги Пелюка, среди клиентов которого был и Серуно Квартани, на пятый день скупил остаток тиража и попросил автора подписать три книги для племянников. В доверительном разговоре он сообщал каждому стригущемуся о том, что обладал лишним экземпляром с писательским автографом. После недолгих переговоров Виги нехотя соглашался продать заветную книгу за тройную цену. К концу второго месяца были реализованы все десять тысяч томов, и господин Пелюка открыл астрально-косметический салон "Звезду За Красу" с мадам Зильбер на кассе и режиссером Батерфляйчиком, изгнанным из театра за пахучее новаторство, в качестве менеджера.

Несмотря на гигантский тираж книги, дела самого Серуно Квартани приняли трагический оборот. Его жена Маха неожиданно объявила о разводе и предъявила Серуно иск на полную сумму гонорара плюс один доллар. В домашнем скандале она пригрозила мужу, что в случае его отказа удовлетворить ее требование она сообщит миру о том, что все неблизичи он стянул из детской книжки 1926 года издания, а из лифта был выставлен еще до подъема в замок.

Серуно метался по новому дому в поисках решения и выкрикивал: "Убить суку!". Знаменитого репортера-исследователя с бейсбольной битой и пеной на губах задержали в здании мэрии и поместили в психиатрическую клинику с диагнозом иноплатентно-маниакальный синдром. Мадам Квартани отозвала иск из суда в связи с получением опекуна над умалишенным мужем. Ее единственным огорчением было заявление психиатра, что для Серуно, возможно, не все потеряно.

Когда в субботнем выпуске "Сквозняк Daily" был опубликован некролог, посвященный скончавшемуся на девяносто восьмом году жизни барону Херуце фон Шмузер, ни одному читателю не пришло в голову уязвить имя покойного с доном Фордано. Даже задрапированные черным муаром замковые часы ни на что не надуумили. Через два дня к особняку подъехал катафалк, и четверо молодцов в ливреях вынесли желтый гроб с галстуком-бабочкой и тростью поверх крышки.

Только тогда по городу поползла тревожная весть о том, что дон Фордано съехал навсегда. Сплоченные отсутствием виновника разногласий, мондисты и антимондисты во главе с прокурором Гуталини сформировали чрезвычайный комитет по возвращению исторической ценности города. Комитет начал свою деятельность с призывов "жертвовать и бдеть на подозрительные явления". Были созданы два отдела, четыре сектора и распределены должности. Горожане с энтузиазмом встретили решение администрации ввести налог на местный патриотизм, взимаемый пропорционально любви к городу, "для поиска гражданина дна Фордано". Как только указ был опубликован, налогооблагаемая толпа сбился перед зданием прокуратуры для сдачи средств. На собранные деньги город отрядил семейство Гуталини с зятями в кругосветную поисковую экспедицию на шесть месяцев.

В тот же час, когда окрыленный народ махал платочками во след уплывавшему кораблю, в астральный салон красоты "Звезду За Красу", вошла клиентка в черной вуали. Мадам Зильбер, "цимисная голова", сразу же вычислила в ней колокольную из замка, а вот Мальпина, Дорзефина и Леольдина, работавшие в салоне в качестве косметологов-проричатель, только снисходительно скользнули по ней взглядом. Ничего интересного, кроме колоды на левой руке, они не отметили. И напрасно.

Инкогнито сняла вуаль и попросила укоротить волосы до уровня плеч. Дорзефина то ли не поняла, то ли приняла собственное решение, отсекла ей треть волос под самым ухом. На колокольный крик незнакомки прибежали Мальпина и Леольдина. Сама же Дор-

зефина с перепугу присела на корточки, чтобы вползти в нишу под умывальником. Как только раздался хруст шейных позвонков, ее большое тело конвульсивно содрогнулось и распласталось на полу. Клиентка спокойно перешла в кресло Леольдины, которая, разрываясь между чувством и долгом, не сдвинулась с места. Мальпина же подскочила к незнакомке и шепотом спросила: "Кк-ак вв-ас зз-аделать?". Женщина в ответ заколочила на своем языке. Слезы бедной мадам Зильбер хлынули на компьютер и вызвали короткое замыкание. "Звезду За Красу" погрузился во мрак. Бывший театральный режиссер на ощупь подполз к телу Дорзефины и нежно обнял ее половинную шею. Именно в этот момент в салон вошла жена мэра, Дзюкочка Азунга, чтобы обратиться к Виги Пелюка за добровольным взносом в фонд защиты глиняных тарелок от огнестрельного оружия.

Город сдержанно реагировал на скорбное событие. Служащие по разнарядке мэрии собрались у магнолии, где Дики-Дики объявил о том, что жертвы не бывают напрасными, и память о Дырпизине (покойница за чем-то сменила имя) сохранится надолго во внутренних органах горожан. Расходились быстро, без разговоров. На следующий день состоялись похороны. Траурный митинг пришлось отменить. Кроме кузин и коллег явились только выступающие и хроникер "Сквозняк Daily". Последний ушел первым. Поэтому смысл в проведении митинга отпал.

После кладбищенской церемонии по дороге домой Виги Пелюка оставался у магнолии; его поразил странный вид дерева. Маха Квартани еще издала замечательное поведение парикмахера. Она тоже задрала голову. Приблизившись, спросила, как дела в салоне. Он неопределенно пожал плечами, полагая, что их встреча тем и ограничится. Однако Маха стояла под деревом и продолжала улыбаться.

— Вам не кажется, что магнолия съезжилась? — спросил парикмахер. Маха снова бросила взгляд наверх. — Пожалуй... — проговорила она. — Действительно!

Оба на какое-то время умолкли. Маха кашлянула, но парикмахер не заметил ее маневра. Тогда на его ногу упала ее сумочка.

— Спасибо, Виги, — сладким голосом прожурчала Маха. — Вы знаете... — она запнулась и кончиком языка облизнула верхнюю губу.

— Знаю что, мадам? — Пока это тайна, Виги, но вам как будущему другу...

Маха взяла ладонь Виги и стала водить по ней указательным пальцем.

— Виги, только мы вдвоем сможем это сделать...

— Да, мадам?..

— С вашим опытом...

— Мадам, я уверен, мы найдем общий язык...

Серуно Квартани и почтальон Илларион Пердон кыш Ладрон оказались в одной палате с одинаковым диагнозом и сразу же породнились. После того как каждый живо рассказал свою одиссею более десяти раз, их изложение слилось в одно общее. Что произошло, так это поведение их жен. Почтальонша регулярно навещала мужа. Репортерша же нос не казалась. В разговорах новых друзей Маха фигурировала не иначе как "сука".

Кристалда приносила "вкусненькое" на двоих, потому что и жалко было брошенного репортера, да и сгодиться он мог. Серуно сначала был тронут до слез, а потом уже освоился настолько, что первым залезал в кошелку и вытаскивал из нее свертки со снедью. "Сука" объявилась через три недели и в слезах поведала, что ее похитил серый волк, от которого она едва сумела сбежать. Больше она ничего не рассказывала, а кинулась к мужу и начала его обцеловывать, приговаривая:

— Родной мой, правда, тебе лучше? Ты меня не оставишь, любовь моя? Я так плакала, когда ты кричал, что повесишься и бросишь меня! Я места себе не находила! Но это была болезнь!

— Махунечка! — простонал растроганный репортер.

— Серуночек!

Колонопреклоненный сопалатник удивленно глядел на счастливую пару. Когда Серуно помнил его, благодарный Илларион подполз к супругам и поцеловал их лодыжки. Ошарашен-

ная сука носовым платочком смахнула слезу. Вдруг она хлопнула себя по лбу, извлекла из сумочки запечатанный конверт и протянула его мужу.

— Что это? — спросил репортер.

— Не знаю. Думаю, контракт на второй том. Пришел сегодня утром...

— Второй том?.. — Серуно разорвал конверт и расплылся в улыбке.

Маха тоже сияла и одобритительно кивала. Их руки сплелись на махочкиной груди.

Театр ставил новую пьесу по следам гибели Дорзефины под названием "Астральная жертва". Опальный режиссер-автор был возвращен в театр с испытательным сроком и урезанной зарплатой. Поэтому творил Батерфляйчику приходилось без отрыва от парикмахерской. На главную роль он пригласил Мальпину, которая и лицом, и фактурой была близка к прототипу. Правда, Мальпина вынуждена была уволиться из салона красоты, так как директор театра заартачился и ни в какую не хотел маникюршу. В свою очередь Мальпина сочла невозможной дальнейшую связь с мужчиной, который все пятнадцать лет их супружества чинил проржавевшие трубы и был далек от искусства. Поскольку жизнь пока была не устроена, Мальпина пристроилась в постели Батерфляйчика.

После премьеры мэр Азунга прямо в ложе потребовал от Дзюкочки соглашения на развод. Дзюкочка пригрозила покончить с собой. Дики-Дики засмеялся: "Как же тебе станет лучше, когда мне будет хуже?". Сразу и порешили, что самоубийство отменяется. За портьерой Дзюкочка дала Дики-Дики оплеуху и тут же получила ответный плевков в лицо. После этого они вышли из театра под руку и сели в авто.

На следующий день Маха на работу в мэрию не вышла. Дики-Дики позволил ей домой, но трубку почему-то снял парикмахер Пелюка и сухо посоветовал мэру не звонить больше в этот дом. Маха вырвала трубку и крикнула, что ее планы опять серьезно изменились. Мэр схватился за сердце. Через несколько часов город узнал о его долгожданной кончине. Маха позвонила Дзюкочке, чтобы выразить соболезнование, а Дзюкочка заверила ее, что они расстаются с любовью.

Кристалда Пердон кыш Ладрон после расслабляющего "вкусненького" выудила из репортера несколько реплик, проливших свет на замысел Махи. Вскоре в голову почтальонши созрел план изобличения "суки-стервы". Она позвонила в редакцию "Сквозняк Daily" с предложением кооперата, но там отвергли, что редактор занят. И действительно, Жонзи Панасюк готовил первую речь к избирательной кампании за кресло мэра. Тогда Кристалда позвонила Махе Квартани домой и стала ее шантажировать. К удивлению Кристалды Маха была любезна, сказала, что не все так просто в жизни и что готова прямо сейчас приехать и объясниться. Договорились встретиться в садике за церковью. Вечером того же дня под кустом жасмина отец Монди обнаружил труп женщины с перерезанным горлом. Рядом лежала опасная бритва.

Возбужденная прокуратура прекратила дело после заключения вице-прокурора Капакабаниса о том, что "почтальонша сама себе перерезала горло обстоятельствами личной жизни". Однако через некоторое время брошенный паствой отец Монди в попытке восстановить былые влияния обвинил магнолиевый дом в сионистском заговоре против почтовых служащих. Подозрение сразу пало на обитательницу замка. В ходе повторного следствия выяснилось, что таинственная певица задолго до смерти почтальонши подалась на воздушном шаре не то в Венецию, не то в коммерцию. Тогда же удалось установить, что последние 90 лет замок не платил за электричество. Правда, прокуратуре не удалось доказать, что замок потреблял электроэнергию.

В доме с противоположной стороны, на фасаде которого собирались установить мраморную доску, все оставалось по-старому. Косоглазый мальчик рос быстро и превратился в детину с усами и челкой на глаза, что придавало ему сходство с усопшей мамашей. Молодой человек, однажды поработав мозгами и прочими важными частями, заключил, что косоглазие, как и все остальные качества, унаследованные от родителей, не-

пременно должны быть сохранены и умножены, для чего приобрел кровать матримониального размера. Над ней повесил черно-белый портрет папашы в полном обмундировании, выгодно отличавшем его от нарушителей. Портрета мамы в доме не обнаружилось. Таким образом, все было готово для привода новой хозяйки. Перспективный жених сверкающими в разных направлениях глазами пригладил ее на собрании Комитета по розыску дна Фордано и после испытательного матраца повел под венец. Бракная ночь началась с брани, но закончилась вполне традиционно. Поздним утром, когда солнце уже успело серьезно потрудиться над лужами от ночного дождя и занять срединное положение на умытом небе, муж поднялся с постели и мечтательно почесался ниже пупа. Жена, опершись о подоконник, разглядывала улицу с таким выражением, будто видела ее в первый раз. Косоглазый подошел ближе и прижался к ее разгоряченному задку. Она же не отводила взгляда от окна.

— Ну куда ты уставилась?

Он хлопал себя по животу. Сильными пальцами помял лаковые ягодицы, приобретенные им в законное пользование, и лихо шлепнул по одной. Она хихикнула и выгнулась еще привлекательней.

Через минуту он помутневшими глазами увидел...

— Ядрено знамя! Магнолия и замком ты-то!

— Ага... ага... — прерывисто дыша, выпалила жена. — А другие-то... совсем другие...

Косым взглядом он скользнул по соседним домам на противоположной стороне улицы. Над слегка вогнутыми фасадами выросли башенки, а на самой высокой появились часики... Они отбили полдень, после чего и башня, и стрелки удлиннились... На церковном куполе вместо привычного креста кривилась дуга, а внутри нее поблескивала звездочка. Косоглазый отпрынул от подрагивающего тела жены и бросился в ванную, одержимый мыслью об обрезании... Одной рукой он оттянул лишнюю плоть, а второй перекрестился и под завывание "Аллах с ним!" отсек прежнее веру.

— Бум-бом... — отзвонили часики.

Где-то в районе Старого базара прогремел взрыв и завывающая пожарная сирена. Со стороны порта в город врывался дирижабль с коммерческой рекламой "Табак Фордано": на чисто выбритом старческом лице вместо усов торпировались галстук-бабочка, а во рту — огромная сигара, из которой вился настоящий дым.

Коты обнюхивали круг, в котором прежде росла магнолия, растерянно скребли землю и перебежали с места на место.

Виги любовно поглаживал обложку второго тома "Вселенной" с собственноручным посвящением самому себе. Его имя золотилось между серуновским и махочкиным. Третий салон красоты он назвал без затей — "Клеопатра у Фигаро".

— Бум-бом! Бум-бом!

На подоконнике жена косоглазого, упакованная с головы до пят в черное, жалобно зазубривала: "А салаями аллеиками", — и обтирала запрещенные подмышки.

Леольдина страдала от скоропостижно обнаруженного у себя таланта, который был лучше мальпинкиного, но "перспективы для него не подвораживались".

Мадам Зильбер в двухсот третий раз выдыхала на золотой медальон, полировала его кулаком и сокрушалась над проступающей медью.

Портя Батерфляйчик, уединившись в ведре (унитаз был забит творческими отходами), подходил к выводу, что продуктивная мысль вовсе не является продуктом мышления.

И только отец Монди Казаранта уверенно шагал в неизвестном направлении, зная наперед, что вера в себя... обязательно выведет.

— Бум-бом... Бум-бом... Бум-бом...

На спуске, сбегающем к порту, воздушные дуновения мягко перебирали бронзовые струны подрастающих часов и разлетались вместе с юными тонкими звуками по старым кварталам до самой мэрии, с балкона которой Жонзи Панасюк и его новая жена Маха тревожно озирали врученный их опеке город.

Мимо проносились перемены.

Алена ЩЕРБАКОВА Острову Крым

Из птиц, долетевших до края моря, Не встретилось ни одной, чей голос Стал бы напоминать о покое... Впрочем, порою море Можно принять за точку отсчета, А одинокое утро за память, Тогда-то только легко представить Путь по песчаному гроту Из Нового Света в Морское, Где, тронутые водою, Тени менее резки В пределах видимого отрезка, И профиль друга — На каждой каменной фреске Скал, лежащих по ту сторону света И тени, — обратно взгляду. Выходит,

в пространственном измерении Нет наречия "рядом"...

Полет птиц — продолжение горизонта, Условность линий, Вот и лицо твое порою Приобретает вид размытого негатива, Оставляя следы,

отстраняя от сердца город. Если дорога

удваивает возвращение — То встреча наступит не скоро...

В том краю, где безвременье оглушает любой Захлебнувшийся стон тишины, озноба и ветра,

Четырех из букв, не сумевших в образ влиться иной, Распростертый на тысячу километров, Став тем призраком, чьих одежд Мы ночью не различаем — Но постель остывает прежде, Чем я, покурив, возвращаюсь.

"...Я список кораблей прочел до середины" О. Мандельштам

Меня еще твой миф не уронил На дно бездонной вазы Атлантиды, А я уже теряю по транзитам Простых бесед и растворенных книг Улыбку, собирая по частям Свой голос, взгляд... —

на полотно не итай, Нанизываю сны на панцирь мидий Для промысла китовым плавникам; Оберегаю рукописный клад На царственных пергаментах весталки.

Когда один внезапный ветра вал И век крушат дворцы свои подряд, Как список кораблей, по именам, Не все ль равно, что остается после, Когда над головой такие звезды, К чему теперь живым преданья нам?..

Del arte

Памяти А. Вертинского

Вместо вина в бокал налить стеарин. Из пропасти голос тих, не слышен. Я — Коломба, ты — мой визави. Ты только тихонько меня позови. Живые не слышат —

а мертвым не пишу... Сухой ветер треплет афиши; Тонкими пальцами

горло сдавливает кокаином; Страшно от темных нот

твоего голоса. Как же здесь вечерами холодно, В сверкающем конфетти фар

и витрин! Моих писем не расшифровать —

Пепел их черен, неяр, матовый, Я продаю билеты в бродячий театр На счастливый спектакль С несчастливым лицом И с расколотым детским карминовым сердцем.

Аргентинское танго

Аргентинское танго —

навзлет, навзрыд, Черных платьев качающийся надрыв, С поворотом лиц — тени падают ниц, Каково едва по земле скользить?! Замирание сердца сбивает счет, Поворот — полет — поворот —

вне нот, Обнаженность рук,

обреченность фраз, И ты ближе,

чем нужно ко мне сейчас. Я не знаю, как долго чадит огонь, Но в твоей ладони — моя ладонь,

И уже вплотную друг к другу в анфас, Плечи выжжены солнцем и углем глаз.

Аргентинское танго не превозмочь, Дробный шаг, накаляя,

взрывает ночь, Так, наверно, танцуют

в последний раз, В этом танце сгорает один из нас.

Игорь ПОТОЦКИЙ Просто стихи

Николаю Макаренко

Господи, дай мне смеяться и плакать,
не отлучай мою душу от тела,
чтобы я слышал, как лает собака,
чтобы луна до конца не дотлела.

Дай испытать восхищение другом,
дай любоваться мне спящей женою,
дай мне избавиться вновь от испуга,
не захлебнуться сплошной тишиною.

Дай насладиться дождем или снегом,
дай наиграться с моими врагами,
чтобы за мною идущие следом
плакать могли над моими стихами.

Памяти Р.И. Ойгензихт

Я приходил к ней веселым
и переполненным страхами,
рассуждая, что жизнь моя смутно текла.
Нет таких людей больше,
как Раиса Исааковна, —
худенькая женщина, состоящая из тепла.

Она мне в эпоху хмурую давала Набокова,
Бердяева, Ходасевича:

— Не показывай никому!
По лицу ее растекались седые локоны,
но глаза ее вечно сияли,
пронзая зловещую тьму.
Какие чаи она делала, что из теста творила,
при этом на фортепьяно легко колдовала она,
что у птиц есть свобода,
а у нас обрезаны крылья,
но мы все равно вернем их,
едва наступит весна.
Она восхищалась не гвоздиками, а маками,
растущими на полянах и так и сяк.
Нет таких людей больше,
как Раиса Исааковна,
отгоняющая улыбкой тоску и мрак.

Вот ведь, мама, ты смогла меня покинуть —
перекинуть свою душу по ту сторону света,
где только темнота, невозможно вскрикнуть,
нет ничего — не дождя, ни ветра.
Твое тело высохло — стало невесомым,
но ты пыталась выкарабкаться из болезни.
Улыбаясь сквозь боль, говорила:
— Держу фасоны,
остальное, сынок, все бесполезно.
Ты предчувствовала, когда боль
оборвет дыхание,
когда глаза твои закатятся и погаснут.
Ты молила о последнем свидании.
Я не успел и потому вдвойне несчастен.
Сердце мое вскакивает
на подножку трамвая,
а потом и все остальное тело.
А мама просит меня, как живая:
— Ничего подобного больше не делай!

Прелюдия

Александру Ровенко

Все озвучено в этой жизни —
капли дождевые,
морские волны, набегающие
на берег со свистом,

мое настроение, как будто впервые
я наказан судьбою. На сердце мглисто.
А кругом звучит музыка Баха, лишая страха,
избавляя душу от холодной печали.
Сердце мое замерло внезапно, как птаха,
а глаза мои вспыхнули тоненькими свечами.
Морские волны, словно меха баяна,
разжимаются и сжимаются
в трагической мессе.

По-прежнему смеркается рано
и не отогреться никак в холодной Одессе.
Сдираю печаль с души, как с дерева коросту,
подбираю рифмы, тяжелые как камни,
направляясь к прошедшим дням в гости,
но на них, как на окнах, безмолвные ставни.

Незнакомке

Все слезы выплаканы вдруг,
но так же ветер смел и горек,
когда он облетает луг
небрежно, как одесский дворик,
где множество погасло лиц,
и много судеб не свершилось,
где падали порою ниц
без упования на милость.
Листать, как книгу, до конца
свою судьбу напропалую;
как слезы, вытирать с лица
придуманные поцелуи.
Знать, как ожог — твоя ладонь
с неимоверно страшным током...
Всё шелестят верхушки крон
о том, чтоб я тебя не трогал.

Сорок две недели твои промелькнули,
как в тайге крылышки махаонов.
Ночью не могу усидеть на стуле,
выхожу на улицу, где фонарей колонны.
Кроны деревьев шумливы, как гнусные слухи,
как красавицы, знающие себе цену.
Тени, словно скрюченные старухи,
скатываются степенно в ночную бездну.
Жизнь моя нарушена твоими пальцами,
их неосторожными касаниями,
но от меня ты все время пятишься,
словно выполняешь чужие задания.
Чувствую свою старость уколом под лопаткой,
остервенело беседуя с ночной мглой.
Это стихотворение пишу украдкой,
моля тебя о встрече со мною.

Рисунки Николая ДРОННИКОВА.

Туристическая компания УКРФЕРРИ ТУР

Один из ведущих туристических операторов Украины:

Большой выбор разнообразных туров
за рубежом и в Украине

Ліцензія ДТАУ на ТУРОПЕРАТОРСЬКУ ДІЯЛЬНІСТЬ -
Серія АА № 780157 від 31.03.2004 р.

Италия, Франция, Испания, Великобритания, Чехия, Австрия, Греция

РЕГУЛЯРНЫЕ ГРУППОВЫЕ ЭКСКУРСИОННЫЕ КУРСЫ В США
(Нью-Йорк, Филадельфия, Лас Вегас, Лос Анджелес,
Маями, Орландо, Гавайи)

ОТДЫХ НА МОРЕ:
(Турция, Египет, Кипр, Хорватия, Греция)

МОРСКИЕ ГРУЗО-ПАССАЖИРСКИЕ ЛИНИИ:
Одесса-Стамбул
Илличёвск-Варна
Илличёвск-Поти-Батуми

УКРАИНА: ОТДЫХ И ЛЕЧЕНИЕ В САНАТОРИЯХ, ПАНСИОНАТАХ И ОТЕЛЯХ
(Одесса, Киев, Крым, Карпаты, Моршин, Трусковец)

ИЗРАИЛЬ
(Экскурсии, отдых, лечение)

МОРСКИЕ КРУИЗЫ НА 5* ЛАЙНЕРАХ, РЕЧНЫЕ КРУИЗЫ ПО ДУНАЮ И ДНЕПРУ

ТУРЫ В ЕВРОПУ / ТУРЦИЮ / ИЗРАИЛЬ ЧЕРЕЗ УКРАИНУ
(ДЛЯ ПРОЖИВАЮЩИХ НА ПМЖ ЗА РУБЕЖОМ)

г. Киев, ул. Артема, д. 58/2, офис 1 (2-й этаж)
тел. (044) 244-7326, 246-9624
E-mail: ong@ukrferry-tour.com.ua
E-mail: welcome@ukrferry-tour.com

г. Одесса, Сабанский переулок, 4а
Тел. (0482) 347995, 346708
Факс (0482) 348297
E-mail: welcome@ukrferry-tour.com

www.ukrferry-tour.com

Всеволод ЛЮМКИС

Город желтого камня

Город желтого камня,
Теплого камня, хорошего,
Город белых акаций,
Моря Черного сине-зеленого,
Город неба ночного южного,
Помидорно-красных базаров,
Город, выросший на черноземе
Желтым камнем, как желтый хлеб,
Город кож всех цветов и оттенков
В разной степени загорелых,
Город радуги над фонтанами
В самый желтый солнечный день!

Вся жизнь — лабиринт,
Что твой Крит!

Минотавр не один,
здесь за каждым углом — Минотавр,
Где огонь, где вода, где медь труб
и где грохот литавр...

Ариадна нужна, Ариадна нужна,
Пусть без нити — ведь нить-то от Бога.
Кроме Бога нам нужно немного,
Кроме Бога нужна нам Она —
Без Нее — как окно без стекла —
Ариадна нужна, чтоб ждала!

Стихи

Библиотеке номер шестнадцать
Требуется, как это ни странно,
Библиотекарь,
А не банщик и не прачка,
Хотя библиотека номер шестнадцать
И является ведомственной библиотекой
Банно-прачечного комбината.

Семен ЗЛОТНИКОВ из Израиля —
в Одессу, Александру МАРДАНЮ,
автору пьесы "Последний герой",
опубликованной в 20-м номере
альманаха
"Дерибасовская —
Римельевская":

Дорогой, многоуважаемый, муд-
рый, талантливый Александр Евге-
ньевич!

Я Вас от души и категорически по-
здравляю с замечательной пьесой.
Она проста, прозрачна, глубока,
содержательна, трагична. Она
про людей и про Время. Она Ва-
ли цело и надежно встроена в
культурную вертикаль: конечно
же, переключается с незабвен-
ным Айтон Пальчем, но по
хорошему счету. И правиль-
но, и очень ценно, что пере-
ключается. Вы не мудрили,
и это заметно. Персона-
жи — живые. Вы любите
этих людей, понимаете,

не судите — и для меня это особенно
дорого. Не наше дело судить. Пожа-
леть. Вы и жалеть. Очень честная
пьеса и важная. Спасибо.

Без ложки детей не обойдется:
меня все цитировало, кроме финала.
Вы его по эмоции снизили. На мой
вкус, простите. Убери те работяг.
Пусть гремит гром и сотрясается
вселенная — он нигде не уйдет. Он
будет клешить обои, забивать гвозди
головой, петть, орать, вить — он не
сдастся. Его предали самые близкие,
но он не уступит. Он так просто не
ляжет под них. Подумайте. Это
позиция. Это философия. Это прин-
ципиально. Мне очень важно увидеть
того, кто не сдастся. Крайне важ-
но. Необходимо. У Вас все готово,
ничего придумывать не надо.
Просто Вы сами под конец слабины
дали. И это мне тоже понятно.

Еще раз, поздравляю. Уверен, бу-
дет Судьба, и еще какая! Рад. Сни-
маю шляпу.

Семен Злотников

Наталия Тараненко родилась в Одессе. С детских лет начала писать стихи. По окончании школы поступила в Одесский государственный университет им. И.И. Мечникова на физический факультет. После третьего курса поехала продолжать учебу в Канаду, где с отличием окончила университет, а затем магистратуру в Торонто. В 1994 году вернулась в Одессу, где поступила в аспирантуру по специальности теория чисел.

В этом же году вышел первый сборник стихов Наталии Тараненко "Пишу стихи свои как дневники". Наталия Тараненко была участницей и лауреатом поэтических конкурсов и фестивалей авторской песни. Вторая книга стихов "Слова — рукоделье мое" вышла в 1997 году. Обе книги иллюстрированы автором.

Научные статьи Наталии Тараненко опубликованы в украинских математических и физических журналах ("Astronomical and Astrophysical Transactions", 1996; "Вестник Одесского университета", 1999, 2000; "Украинский математический журнал", 2000; "Matematychni Studii", 2000).

В Одессе, Киеве и других городах неоднократно проводились авторские вечера поэзии и музыки Наталии Тараненко.

Наталия ТАРАНЕНКО

Бродяга, или По ту сторону стены

Капризная ночь. В переулке уже собралось много нищих. Худенькая старушка вжалась в ступеньки. Серый платок, стена, небо то сливались, то пестрели лоскутками. У нее в глазах — остановившиеся часы. Вот большая стрелка, вот маленькая. Мне жаль ее. Я отсчитываю половину своих денег и сую ей в руку. Рука у нее не холодная, не теплая и вообще такая-то неживая. Она ничего не говорит, только кивает и даже не смотрит на меня. Все равно мне жаль ее. Ведь я просто ломаю комедию. И костыль у меня ненастоящий...

А вот здесь я живу. И здесь совсем неплохо. Правда, без крыши. Но зато есть мебель: пустые ящики из-под молока. Я не смог бы жить один. Совершенно один. Поэтому у меня есть собака. Самая умная из всех дворняг. Славный пес! Его зовут Пьеро. Такой же, как я, шут гороховый. Этот пес не оставит меня подыхать голодной смертью...

Послушай меня, дружище Пьеро, пойдем, раздобудем что-нибудь поесть...

Дорога молчит торжественно и важно. Она принимает нас, как радушная хозяйка, с гордостью показывая по сторонам: смотрите, что у меня есть! Аптека. Пивной ларек. Фирменный магазин... Ох, какая девушка перешла нам с тобой дорогу, Пьеро! Она даже на нас не посмотрела... Ты знаешь, что друзья познаются в беде. Спасибо тебе за виляющий хвост и за твои умные уши...

Здесь пересечем улицу. Никого — и ветер... В этом прелесть утра. Ветер пронесется через город, через каждый его гнилой квартал. Возлюби его за все грехи, потому что он — Великий Мученик. Длинная, длинная очередь тополей у моря...

Я не хочу смотреть на витрины, потому что я — не вор. Ранним рассветным часом я пройду через город и обниму памятник на площади, потому что он не плюнет мне в рожу...

Так мы вышагивали по направлению к Мозаичной площади, я — прямо, Пьеро — виляя, растопырив уши и внимательно обнюхивая углы. Улица выглядывала навстречу занимающемуся дню, как устрица из приоткрывшейся раковины. Только устрица не умеет подмигивать, а улица подмигивала нам смеющимся солнечным глазом...

"Отпусти меня, негодяй, отпусти!..." Я обернулся. Странно... Разве деревья так шумят? Я поймал вопросительный взгляд Пьеро. Вот здесь, второй переулок слева. Скорей же, скорей, не пугайся под ногами!

Мы рванули под арку, оттуда — через забор — между домами. Оказались в тихом дворике, где еще не проснувшиеся окна слабо отражали натиск ярких солнечных лучей. Вокруг никого не было...

2

Я люблю лето, потому что летний город — это летний сад, и не приходится думать о крыше над головой. Но солнце било — сильно, тяжело, как никогда раньше, — и мне пришлось сделать панаму из газеты, которую я подобрал на улице. Черная тень упала на глаза, как черные очки,

и заставила предметы изменить цвет. Я прислонился к стене. Это не стена, это крепость... Я вжался в нее. Но она не была холодной. Лучше пойти искупаться в море... Пьеро высунул язык и прижался к моим ногам.

Вдруг я услышал рычание холодильника прямо у себя за спиной. Сначала я подумал, что это урчит у меня в животе. Потом — в голове. Но звук явно шел откуда-то сзади. Я почувствовал слабую, таинственную струю холода, протекающую между лопаток. Я вжался в стену. Холодильник мурлыкал, как кот, у которого чесали за ухом. Полный. Определенно, уверенно полный. Готов поставить все свои ящики из-под молока. Внезапно холодильник фыркнул и остановился. У меня замерло сердце. Кажется, кто-то открыл дверцу... Нет, мне только показалось. Все стихло...

Но как хочется есть! Мой живот прирос уже не к спине, а к стене, на которую я облокотился. Я бросил взгляд вверх — на мгновение мне показалось, что туча набежала на солнце, и оно стало не так палить. Но небо было чисто. Только оно как будто стало дальше от меня... Конечно, в такой яме, в которой я сижу... И все-таки эта легкая дымка, покрывшая предметы... Пьеро, послушай, у меня, кажется, помутилось в глазах от голода... Пьеро по-дружески вильнул хвостом и исчез за темным пятном, покрывшим улицу, дома и даже небо... Звук моего голоса плыл куда-то ввысь, отражался от стен, от неба и от солнца... Никто не откликнулся...

3

Сомнений нет. Я находился там, внутри. Сказать, что я сошел с ума, было бы, конечно, слишком мало. Сказать, что весь мир сошел с ума, тоже, пожалуй, было бы недостаточно. Но ощущение реальности происходящего было настолько явственным, что я не допускал мысли о сне, гипнозе или психическом расстройстве. Чувство голода было ощутимым и здоровым. В комнате было прохладно. Моя панاما валялась на полу. Сам я, приподнявшись на локте, пытался собрать воедино всю свою материальность для осознания чудовищного факта: я находился внутри дома, у стены которого только что стоял. Эта мысль вызвала озноб и заставила меня резко повернуться. Я отшвырнул занавеску и уперся лбом в стекло. Так. Все сходится. Под этой стеной я стоял, когда потерял ощущение целостности и вещественности, стал прозрачным как воздух, текущим как вода, рассыпчатым как песок, влился сквозь мельчайшие поры в эту комнату, чтобы потом снова воссоединиться с самими собой...

Я поднял свою шляпу. Очевидно, она упала, зацепившись за что-то там. Я осторожно провел пальцами по разорванному краю газеты... И вдруг чувство страха пронзило меня насквозь, и я стал лихорадочно ощущать свое тело. Ведь я мог вернуться оттуда другим: искалеченным, изуродованным, скроенным, собранным не так, как надо... Что только могло случиться с моим несчастным телом, с моими несчаст-

ными молекулами, когда им надо было разъединиться и снова соединиться друг с другом! Холодный пот на лбу. Это хорошо. Естественная реакция. Обмен веществ, должно быть, не нарушен...

Какого черта! Я просто сплю! Я сейчас проснусь у себя дома или на улице, или еще где-нибудь... Я согласен на все: на самую вонючую помойку в городе, только не на эту уютную квартиру с мягкой мебелью и сиреневыми шторами...

И все-таки... Ведь я не сумасшедший и не дурак, чтобы верить в какой-то бред. У меня почти законченное высшее образование. Меня вышвырнули из института на третьем курсе, из дома — на четвертом... Нет, кажется, наоборот. В любом случае, я знаю достаточно, чтобы быть уверенным: этого случиться не могло.

Я почувствовал тошноту. Это была реальная тошнота. Так не тошнит во сне, точно, не тошнит. У меня никогда не было таких снов. Но лучше не думать об этом: ведь не мог же я, в самом деле, пройти сквозь стену...

С моим происшествием мы закончили вничью. Здоровое чувство возмущения. Я добрался до холодильника, который уже узнавал по голосу... Ах, почему бы мне не работать в рекламном агентстве? Ведь я смог бы рекламировать все блюда и все напитки, которые только существуют... Продовольственный магазин на северном полюсе. И все бесплатно! Из сострадания к читателю не стану перечислять всего, что я нашел в урчащем железном брюхе...

Стрелки часов текли по циферблату. Я впал в состояние странного забытия, какой-то особенной абстракции. Я снова захотел пережить то ощущение, которое испытываешь, когда оказываешься по ту сторону стены...

Нет, я не знал, как это сделать! Напряжение. Отчаяние. Вена, пульсирующая у виска. Дрожащие руки. Распластался на стене, растекался по ней, вдохнул глубоко, потом выдохнул — медленно, плавно... Кажется, на мгновение потерял ощущение собственного тела... Но только на мгновение. Моя воля была песчинкой в безбрежном океане космических сил. "Проклятье!" — я с силой ударил кулаком по стене. Вазочка на столике удивленно подпрыгнула. Я не мог даже разбить на куски эту проклятую стену, не то что пройти сквозь нее...

4

Крыши медленно сползали с карниза горизонта, не в силах удержаться на нем. Я с тоской смотрел, как соскальзывали они вниз, просачиваясь сквозь сито тумана, и только верхушки деревьев напоминали о том, что на дне остался затонувший город. Прохлада вечера едва доходила в мир за стеной, но она чувствовалась за каждым взглядом, который я бросал на улицу через окно. Я замер, прильнув к стеклу, вдохнул глазами, ощутил туман, свежесть и силу ассоциаций, которые заставляют нас думать, что мы совершаем кругосветное путешествие, когда на сцене происходит только смена декораций...

Я понял, что пора уходить. Как нормальному человеку — через дверь... Нет, как преступнику и вору — через окно, тайком пробираться, стараясь, чтобы никто не заметил меня, ведь я не имел ни единой версии объяснения своего появления в этой квартире. О том, чтобы снова раствориться в воздухе, не могло быть и речи...

Я не успел получить приз за свой побег. Метнулся к двери. Повернулся ключ. Дверь отворилась. В комнату вошла пышная роза лет сорока, полная, улыбающаяся. Она закричала чистым пронзительным оперным голосом. Я отшатнулся к стене, уперся в нее, но не прошел сквозь, а так и остался стоять живой аппликацией на обоях, пока женщина не успокоилась, широко разверзнутыми глазами продолжая снестать меня.

"Кто вы такой?"
"Простите ради Бога..."

5

Они не выгнали меня, не избили ногами, не сдали в милицию. Они молча разглядывали меня, как если бы я был метеоритом, упавшим с неба в их гостиную.

"Итак, молодой человек, вы утверждаете, что прошли сквозь эту стену без всякой цели и намерения оказаться внутри нашей квартиры?"

Океанограф? Экскурсовод? Может быть, адвокат?..

Человек в очках потирал свое мясистое лицо. Лагушавший подбородок. Расплющенный нос. Глубокие морщины у рта. Ямка на подбородке.

"Я много думаю о законах непостижимого... Мы часто отвергаем то, что не вписывается в наши представления о мире..."

У каждого явления есть две стороны: объективность и ощущение. Но знаем наверняка мы только об одной из них: об ощущении. И все-таки каким-то загадочным способом мы восстанавливаем объективность, сверяя наши ощущения между собой. По сути, то, что мы называем реальностью, — не более чем статистика ощущений, усреднение, взятое по некоторой совокупности людей...

Рассмотрим ваш простой случай. Что есть стена? Это, в первую очередь, ваше ощущение. Какая она? Твердая, холодная, серая... Почему?

Потому что вы видите и осязаете ее такой. Но представьте себе, что ваши ощущения изменились. Твердость перешла в текучесть, холод — в тепло, серый цвет разложился в спектр. Теперь вы ощущаете мягкость прикосновения... Что при этом изменилось? Ваше тело? Стена? Или ваши ощущения просто перестали соответствовать среднестатистическому значению? Только и всего?..

"Картонный шулер", — пронеслось у меня в голове.

"С вами не произошло ровным счетом ничего необычного. Можно подсчитать вероятность этого события с точки зрения статистики ощущений. Вы согласитесь со мной: она невероятно мала, иначе такие вещи происходили бы на каждом шагу: люди проходили бы сквозь стены, заборы, витрины... Впрочем, тогда понятия твердого предмета утратило бы свое первоначальное значение..."

Но вернемся к нашему феномену. Я утверждаю, что источник явления, которое мы здесь наблюдали, лежит именно в вас, в ваших ощущениях. Вы способны чувствовать не так, как все, в этом — простота парадокса! И вот вы оказываетесь по ту сторону стены..."

"Вы хотите сказать, что все это — плод моего воображения, неправильное восприятие происходящего вокруг меня?"

"Молодой человек, как вы определяете здесь правильное и неправильное? То, что дается вам ощущениями — это реальность, такая, какая она есть, что бы против этого ни изволили возразить любители порядка и защитники научных теорий. Как легко опровергнуть все "сверхъестественное", исходя из признания универсальности закона! Но ведь все носит только вероятностный характер! Как же насчет эффекта туннелирования?.. А потом самые естественные вещи окружают ореолом мистики и провозглашаются чудесами!"

Кажется, он сумасшедший еще больше, чем я. Уж не хочет ли он ска-

зать, что я туннелировал сквозь стену как некая элементарная частица — через потенциальный энергетический барьер? Нет, до такого маразма я еще не дошел! Конечно, волновая механика — это прекрасно, и принцип неопределенности, и экспоненциальная зависимость эффекта туннелирования от длины барьера... Но при чем здесь моя собственная шкура?

"Послушайте, ведь не каждому явлению необходимо давать некоторое рациональное объяснение? Это начинает походить на навешивание ярлыков! В конце концов, это просто теряет смысл..."

Неудавшаяся попытка примирения. Это только разгорячило его...

"Уважаемый молодой человек! Попытка дать всему разумное объяснение так же естественна, как желание съесть что-нибудь на завтрак. Принцип выживаемости. В этом выражается наша приспособленность к окружающей среде. В данном вопросе я сторонник эволюционной теории. А вы думали, в нас от Бога заложено некое абстрактное стремление к знанию? Ничего подобного! Просто мы извлекаем из этого выгоду, мы привыкли ее извлекать. Абстрактные теории, приносящие практические результаты. Насущный хлеб человечества... Конечно, можно пройти сквозь стену, и ничего не зная об эффекте туннелирования..."

А вот это уж слишком!

"Ваши разглагольствования ничего не стоят! И вряд ли они помогут мне попасть обратно на улицу тем же путем, каким я вошел сюда!"

Он ничуть не смутился.

"По крайней мере, они удержат вас от ложных убеждений и ненужных попыток. Даже при вашей склонности испытывать необычные ощущения вероятность того, что вы пройдете сейчас сквозь стену и попадете на улицу, тысячу раз равна нулю. Можете даже не пытаться и не надеяться. Лучше возьмите еще бутерброд и расскажите мне подробно о тех ощущениях, которые вы испытывали, когда это случилось с вами..."

6

Красивая, очень красивая. Влетела в комнату. Черная лакированная сумочка описала дугу у ее колен. Она смотрит на меня так, как будто мы давно знакомы...

"Как вы себя чувствуете?"

"Что?"

"Боже мой, я боялась, что у вас возникнут неприятности из-за меня. Мы нашли вас на улице. Вам было плохо."

Мамочка, я звонила тебе целый день. Какой-то шок с телефоном. Надеюсь, ты не очень переволновалась?"

Мамочка — побледневшая роза — беспомощно мнет полы халата.

Я дожевываю бутерброд. Неужели я сейчас не смогу провалиться сквозь землю? А как же эффект туннелирования?

"Мы не могли вас оставить на улице. У вас такое интеллигентное лицо..."

Эпилог

Велюровый замок вырисовывается в конце туннеля. Зачем я иду туда, где меня никто не ждет? Лоскутки белой бумаги переносятся ветром, как перекаটা-поле, по мостовой...

Она снова лежит на берегу, раскинув руки под солнцем, ловя его золотые волны. А я смотрю на нее. Почему мне интересна эта сцена неподвижности? Потому что она не может быть вечной. Моя собака мудро вопрошает взглядом: молчать? Да, молчи, моя умница, если ты потревожишь ее, то все испортится. Давай просто постоим, помолчим и посмотрим на нее. Ну зачем ты фыркаешь, она хорошая девушка...

Мы возвращаемся, проходя ряд прерывистых теней от черно-зеленых деревьев. У меня нет ни гроша в кармане, но солнечные блики похожи на золотые монеты, и мне кажется, что я богат. Я иду по прямой, нигде не сворачивая. Колокол стучит в груди: солнце, солнце, солнце! Светит солнце, и я не верю, что где-то есть ночь.

Пусть обыденность пережует своими челюстями всю землю, ей никогда не добраться до солнца!

ежедневные фельетоны ежедневные фельетоны

Влас ДОРОШЕВИЧ

ЗА ДЕНЬ

Генрих Гейне самый любимый у нас писатель.

Это я заключаю потому, что я шесть раз покупал полное собрание сочинений Гейне, — и шесть раз их уносили мои приятели.

Успех, которого не устаивался ни один из авторов моей библиотеки!

Мне становится неловко, когда я подхожу к моему библиотечному шкафу!

Старик Гете смотрит сурово с верхней полки. Вторая часть "Фауста" до сих пор не взята!

У пылкого Шиллера утащили только "Разбойников", "Коварство и любовь", а "Орлеанская дева" стоит до сих пор в своих стальных доспехах и словно смотрит меня с укоризной:

— Хороши же, однако, у тебя приятели!

Даже Шекспир стащен только наполовину.

Людвига Бёрне крали всего два раза.

А Гейне уносили шесть раз!

Генрих Гейне самый любимый у нас писатель.

В Англии вам ничего не стоит сразу определить, кто самый любимый писатель.

Это тот, сочинения которого имеются обязательно в каждой библиотеке.

Это тот, сочинения которого в образцовом порядке и чистоте — хранятся как святыня.

У нас любимый писатель тот, чьих сочинений нет ни у кого в библиотеке:

— Все раскрали. Публика его очень любит.

Любимый писатель — это тот, книжки которого истрепаны до последней крайности, грязны до невероятия. Поля испещрены надписями. И многих страниц недостает.

Этому понравилась легенда об ожившем старом замке:

"Славят, трубы и литавры

Юность светлую мою!"

И он вырвал несколько страниц.

Другому приглянулось стихотворение о "рыцарях духа":

"И целуй меня смелее:

Рыцарь духа пред тобой!.."

И он вырвал три страницы, быть может, чтоб переписать и послать знакомой барышне, — подписавшись, конечно, своей фамилией.

Третьему, видимо, понравилась нога геттингенских женщин.

Один подчеркнул, как будто бы кровью, красными чернилами:

"Если бы в вас да сердце было!"

И поставил три восклицательных знака.

Другой меланхолически обвел карандашом в "Книге идей":

"Ах, сударыня! Судьба человека часто зависит от цвета его галстука и покроя его панталон. И думает ли человек, сидя в Германии, что, быть может, в эту самую минуту где-то в Китае китаец тклет его судьбу?!"

На полях написано:

"Как это верно!"

Третий, наконец, три раза, подчеркнул в знаменитом "О дураках" эти слова:

"А когда мне нужен будет фонарь для моего кабинета, я повешу обскуранта. То есть, не самого обскуранта, а фонарь, купленный на тот гонорар, который я получу за описание этого обскуранта. Хотя мне кажется, что если повесить самих обскурантов, было бы гораздо светлее".

Как видите, Гейне отвечает на всевозможные запросы самых разнообразных читателей.

Русский читатель находит в нем отклик на всевозможные мысли и чувства.

Гейне, несомненно, самый любимый писатель, потому что его сочинения содержатся в самом скверном виде.

Однако, что ж это я?!

Хотел написать о Генрихе Гейне, а написал, кажется, о нас, о нашей грубости, невежестве, некультурности... Припишу это шутке, которую сыграл надо мной дух шутника Гейне!

"Одесский листок" № 291,
понедельник, 1 (13) декабря 1897 г.

Мы вступаем в "эпоху казней".

Отныне всякий домовладелец, не уплативший в срок за водопровод, будет считаться изменником отечества.

И как в глубокой древности — "лишаться воды".

И не только он, но и жильцы его, и дети их, и дети детей жильцов его — до пятого колена.

На всех будет обрушиваться проклятие.

— Проклятие тебе и дому твоему, и жильцам, что наполняют мерзкий дом твой! Проклятие дворнику, который у тебя служит! Пусть истомленный, умирающий от жажды, он запустит в тебя лопатой и сбежит. Проклятие собаке, которая стережет твой двор! Привязанная, пусть она взбесится от жажды, воеет по ночам, не дает никому заснуть и околеет с зловещим воем, предвещая смерть другим!

— О горе! Горе! Горе!

— Проклятие жильцам, исправно платившим за квартиру тебе, недостойному изменнику! Проклятие матерям, носившим их...

— О мать моя! — должен тут воскликнуть жилец, как Уриэль Акоста.

— И бабушкам, родившим матерей! Пусть бабушки помрут в стенах и корчах! Проклятие детям, которые будут ласкаться к вам! Проклятие внукам, правнукам!

— О горе!

— Проклятие кухарке, которая ставит вам готовить обед, и куму, который придет к ней в гости! Проклятие горничной, что чистит вам ботинки!

— О горе, горе, горе!

— Чахните без воды, умирайте от жажды. Вам не на чем будет приготовить суп. Вы будете питаться сухомятку, колбасой, — и пусть это еще больше возбуждает вашу жажду!

— О горе!

Совсем казнь египетская!

Мы представляем себе картину "проклятого дома".

Комиссия изрекла анафему и заперла водопроводный кран.

Прохожие в ужасе бегут мимо "проклятого дома": оттуда слышатся стоны, скрежет, вопли.

На подоконнике первого этажа лежит человек с глазами, вылезшими из орбит:

— Вводы!

Из бельэтажа раздается дамский вопль:

— Дайте же мне воды! Я должна तो-ропиться на свидание и не могу взять ванны. Каждая минута дорога.

Из третьего этажа голос почтенной матери семейства:

— Но ведь поймите, моя дочь едет сегодня на бал и должна мыться под большое декольте. От этого зависит ее судьба!

Из четвертого этажа выглядывает арап, — натуральный арап.

Мальчишки улюлюкают, а несчастный арап:

— Да не арап я! Не арап! Меня из-за этого с места выгнали — думали, что я арап. Я не умывался только!

Из мансарды душу раздирающий женский голос:

— Батюшки! Он из младенца голо-

ву, словно из бутылки пробку, выдернул! Младенца откупорил и кровь пьет!

А комиссия стоит и адски хохочет.

Малюта Скуратов от зависти пере-ворачивается в гробу.

Мы рекомендуем основать общество "спасения погибающих от жажды".

И доставлять жильцам "проклятых" домов воду хоть в пузыречках.

Ведь нельзя же заставлять людей пить кровь из собственных малюток. Это даже и не гигиенично.

Нам рисуется уже ряд трогательных картин.

Мы входим в квартиру "проклятого дома".

Хозяин дома уже сошел с ума от жажды и сидит с расширенными зрачками.

Старуха бабушка с лицом, как сапог, корчится на полу.

Мы подходим к большой обезьяне, которая грызет кусок колбасы и смотрит на нас глазами умирающего Тантала.

Мы даем ей несколько капель воды, отчего обезьяна моментально оживает, начинает делать веселые прыжки и вдруг кричит человеческим голосом:

— Спасена! Спасена! Тру-ля-ля! Спасена!

Вне себя от изумления мы умываем обезьяну, — и обезьяна оказывается не обезьяной, а молодой девушкой редкой красоты, на которой, т. е. на девушке и на красоте, мы тут же и женимся.

Мы хороним бабушку, отправляем папашу на Слободку-Романовку и сочетаемся законным браком с девушкой чудной красоты, делаемся отцами...

Но позвольте!

Разрешено ли будет носить в "проклятые" дома воду даже в пузыречках?

Вдруг — идешь.

— Стоп! Это что? Пузырек? С водой? Проклятым жильцам проклятого дома?

Р-р-раз!

И пузырек с водой разлетается вдребезги под ужасающий вой умирающих от жажды жильцов проклятого дома. Какая адская симфония! Какой сюжет для г. Ребикова, для г. Федорова, для Франца Листа, если бы он был жив!

Шутки, однако, в сторону. В серьезных вещах не шутят.

Речь идет о том, как заставить домовладельцев платить за воду.

Комиссия и дума полагают, что для этого самое лучшее не давать пить жильцам.

Мы знаем средство еще лучше.

Не только не давать жильцам пить, но еще и кормить их при этом на городской счет селедками.

Небось — заплатят!

Вносим наш проект на рассмотрение одесской городской думы и просим для него защиты гг. Швенднера, Новикова, Бухштаба и Шульца.

"Одесский листок" № 246,
четверг, 16 (28) октября 1897 г.

ежедневные фельетоны ежедневные фельетоны

ежедневные фельетоны ежедневные фельетоны

— Дрейфус или Эстергази?

Это стало мировым вопросом.

В Америке, наверное, держат пари.

В глазах противников Дрейфуса этот узник Чертова острова виновен в двух преступлениях.

Во-первых, он изменил отечеству. Но это еще не беда!

Во-вторых, он еврей. Это уже беда непоправимая.

Для этих людей всякий человек, виновный в том, что он еврей, должен быть без суда и следствия лишаем всех прав состояния и сослан.

Взгляд, от которого пахнет не "новым временем", а скорее "добрым", старым временем костров и пыток.

Тогда как граф Эстергази, по их мнению, прав уже потому, что он не бежит, а остается в Париже и околачивает пороги редакций.

— Значит, чувствует себя правым!

— О Боже! Не все, кто околачивает пороги редакций, всегда правы.

Мы знавали людей, вызывавших журналистов на дуэль в день ареста.

Утром вызовет, а вечером секунданты привозят известие, что вызвавший арестован по обвинению в 333 мошенничествах.

И дуэль состояться не могла.

Ведь нельзя же стреляться с человеком, у которого по бокам стоит пара конвойных.

Еще в конвойного попадешь!

Мы знавали подсудимого, который, отправляясь "судиться", заказал в лучшем ресторане обед для себя и своих друзей.

— В суде проголодаемся.

И особо заботился:

— Шампанского заморозьте побольше. Вспрыснуть оправдательный вердикт.

Но это шампанское мерзнет и по сей день.

Бедняге пришлось обедать в тюремном замке.

Не бегут часто по очень простой причине: потому что бежать невозможно.

Кроме отличной наружной полиции у Франции есть и великолепная тайная.

Тут не разбегаешься. Быть может, в ту самую минуту, как граф Эстергази входит в редакцию, у дверей с видом беспечного фланера останавливается какой-то молодой человек.

А через дорогу какой-то солидный господин стоит, углубившись в рассматривание витрины с выставкой принадлежностей дамского туалета.

И "граф" чувствует, что за ним всюду следуют эти две тени.

В вину Дрейфусу ставят всё.

Даже то, что у него много друзей.

Как будто друзья могут быть только у негодяев.

Даже то, что друзья усиленно хлопочут доказывать его невиновность.

Как будто друзья непременно уж должны отшатнуться от человека в несчастии.

Это бывает — но это, слава Богу, еще не обязательно!

"Одесский листок" № 278,
вторник, 18 (30) ноября 1897 г.

"Некрасов — игрок", "Некрасов — кулак." Они не менее известны, чем Некрасов-поэт.

Его муза, "муза мести и печали", создала ему много врагов.

С нею у многих было много "счетов".

И ему, как мужу по счетам жены, пришлось много платить по "счетам" его музы.

Некрасову-человеку дорого пришлось заплатить за Некрасова-поэта.

Ни на кого не сыпалось столько клевет, лжи и грязи.

Да и что в этом удивительного?

Нельзя быть безнаказанно ни умным, ни честным, ни талантливым.

Люди похожи на собак: они тоже не могут равнодушно пройти мимо чего-нибудь высокого.

Для людей нет выше обиды, как видеть, что кто-нибудь выше их целой головой.

Нет высшего удовольствия, как втоптать его в грязь.

— Ты такая же дрянь, как и мы!

Для них это вопрос самолюбия.

Вот секрет, почему клевета, пущенная врагом про выдающегося человека, так охотно повторяется обществом.

Ни про кого не распространялось столько клевет, как про Некрасова.

Что ж, это был высокий утес, и тем сильнее шумели об него волны.

Шум этих грязных волн был так силен, что его эхо еще до сих пор звучит в воздухе.

Общество — лжец.

И, как всякий лжец, часто повторяя ложь, оно, наконец, само начинает верить, что это правда.

Истина — это часто только ложь, повторенная так много раз, что ей стали верить.

С кончины Некрасова прошло 20 лет, а и теперь даже самые доброжелательные "литературные поминальщики" начинают свои поминки по Некрасове так:

— Да, это, конечно, был "кулак", но...

Его репутация "кулака" кажется установленной.

Ложь, покрытая исторической давностью, превратилась в истину. Потому что и сама-то истина, по большей части, это только покрытая исторической давностью ложь.

* * *

"Кулак".

Мне вспоминаются рассказы о Некрасове покойного Н.В. Успенского.

Двоюродного брата Г.И. Успенского, писателя-народника, начавшего так блестяще и кончившего так плачевно.

Он работал в маленьких еженедельных журналах, где его держали, как в кабаке держат картину духовно-нравственного содержания.

Все-таки это был "писатель".

Его имя печаталось крупными буквами, и ему платили гроши, похожие скорее на милостыню, чем на гонорар.

Летом, подъезжая к Москве на одном из дачных поездов, вы встретили бы высокого седого скрипача, со скрипкой переходившего из вагона в вагон.

Он играл, а подавание собирала за него девочка, переодетая мальчиком.

Это была его дочь, которую он одевал мальчиком и звал мужским именем, охраняя ее таким образом от соседей по нарам в ночлежных домах.

И кто бы подумал, что этот жалкий старик был одним из любимых собеседников Тургенева.

Что Тургенев с наслаждением проводил с ним часы, удивляясь и завидуя его знанию народного быта, от души смеясь его полным юмора рассказам.

Что Некрасов пророчил ему великую будущность.

Жалкий, нищий, искавший забвения в вине, он помнил хорошие дни.

И когда говорил о них, его старая седая голова с гордостью поднималась, в его глазах, измученных и робких, светилось столько нежности, его голос, привыкший к просьбам о подавании, звучал благородством.

— Бедные дети! — говорил он нам, молодежи, где-нибудь в грязном трактире, куда мы вели "угощать" старого учителя, — даже ваша "литературная весна" так печальна. Даже ваши воспоминания о первых шагах литературной деятельности будут грустными воспоминаниями. Что вы видите, входя в литературу, — на первом же шагу? Кулачество, мажорство! Разве теперь есть издатели?

И, погружаясь в воспоминания о своей "литературной весне", он рассказывал нам о своем первом визите Некрасову.

Когда он робким новичком входил в кабинет знаменитого писателя.

— Присланные вами рассказы великолепны! — приветствовал юношу Некрасов. — У вас большой талант, много наблюдательности, юмора. Вы превосходно знаете народную жизнь. Вы много ее изучали?

Сын бедного сельского причетника, Успенский отвечал, что он и не может не знать жизни народа, среди которого вырос.

— Да, да, конечно!

Некрасов на минуту задумался.

— Но знаете, чего вам недостает? Широты взгляда! Вы знаете ваш муравейник, но чтоб описать его как следует, вам нужно взглянуть на него со стороны. О, тогда вы на многое будете смотреть иначе. Многое получит в ваших глазах иное освещение. Вам нужно увидеть иную жизнь, посравнить... Да, да! — продолжал, увлекаясь, великий поэт. — Вам нужна поездка за границу. Проехаться по Европе...

Для сына бедного сельского причетника, для человека, и до Петербурга-то добравшегося чуть не пешком, это звучало обидной насмешкой.

— Желчь закипела, — вспоминал Успенский, — слушать этого сытого барина, фантазировавшего об увеселительной поездке нищего по Европе!

Успенский резко прервал фантазии Некрасова:

— Но для этого нужны деньги!

Некрасов посмотрел с улыбкой на вспыхнувшего молодого человека:

— Деньги — вздор! Деньги я вам дам. Вот деньги.

Он достал из ящика и подал изумленному Успенскому две тысячи рублей.

— Берите, берите! После сочтемся. Вам необходимо проехать по Европе, людей посмотреть. Это расширит ваш кругозор. А деньги — вздор. Талант важнее денег. Было бы жаль, если бы погиб такой талант, как ваш...

Это "кулачество"?

* * *

Г. "литературные поминальщики" приводят слова Белинского об издателе — Некрасове.

— Этот не то, что мы с тобой! — сказал Белинский Панаеву. — Этот себе на уме.

Но ведь то говорил Белинский.

И среди бесребренников вы мало встретите таких идеалистов.

И говорил так о Некрасове Белинский Панаеву.

И говорил это он ой-ой-ой как давно!

А вы, гг. "Белинские" 1897 года, с какими "Некрасовыми" разговариваете вы, судя Некрасова за то, что он был "себе на уме"?

"Одесский листок" № 316,
понедельник, 29 декабря 1897 г. (10 янв. 1898 г.)

"Новороссийский Телеграф" сообщает очень грустную новость:

"Скончался еще один великий русский мыслитель, Никита Петрович Гиляров-Платонов. Покойный издавал газету "Современные Известия" и написал несколько крупных научных сочинений".

Сделав затем краткую характеристику значения покойного в России и за границей, газета с грустью добавляет:

"Мир праху твоему, великий богослов, филолог, экономист и великий русский человек".

Новость действительно грустная — но она несколько запоздала.

Н.П. Гиляров-Платонов умер... ДЕСЯТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД.

Очевидно, в редакцию принесли колбасу, завернутую в очень старую газету.

Вот откуда и "почерпнули" грустную новость.

Но Боже! Сколько грустных минут предстоит еще пережить "Новороссийскому Телеграфу"!

Сколько печальных новостей узнать!

Сколько утрат оплакать!

Если бы я не боялся, что это на нее так действует, я сообщил бы ей, что и И.С. Аксаков тоже умер.

И Краевский, издатель "Голоса" и "Отечественных записок", тоже умер.

О смерти М.Е. Салтыкова-Щедрина я подожду сообщать: редакция от неожиданности может упасть в обморок. Но о смерти Гоголя и Пушкина — я думаю, можно ей сообщить.

Лермонтов, Тургенев, Достоевский, Писемский — тоже померли.

Все померли! Живы только гг. Ники, гг. Форов и гг. Никифоров.

И узнают о существовании на Руси "великих мыслителей" случайно, из оберточной бумаги, через 10 лет после их смерти.

Грустно, но это так!

"Одесский листок" № 250,
понедельник, 20 октября (1 ноября) 1897 г.

ежедневные фельетоны ежедневные фельетоны

1 АПРЕЛЯ — ДЕНЬ СМЕХА

Одесский юмористический журнал "Фонтан", который отметил свое 10-летие, сегодня в гостях в нашей газете.

...А вообще-то слово "в гостях" тут несколько условное. Журнал родился во Всемирном клубе одесситов, его редактирует вице-президент Клуба Валерий Хаит, журнал поддерживает самые тесные отношения как с сотрудниками Клуба, так и с авторами нашей газеты и альманаха "Дерибасовская угол Ришельевской".

А впрочем, все это можно увидеть и прочитать даже на этой странице.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Людмила УЛАНОВА Лимерики...

О королеве

Одна королева английская
Была удивительно склизкая.
Из тронного зала
Она ускользала:
"Ловите, придворные! Близо я..."

Одна королева английская
Представилась спикеру: "Лизка я".
"Вы Э-ли-за-бет!" —
Взревел баронет,
Слюной в возмущении прыская.

Одна королева английская,
Супруга в объятиях тиская,
К кровати толкала
И томно вздыхала:
"Рождаемость в Англии низкая..."

О пришельце

Встал вопрос, чем кормить гуманоида.
Вдруг он робот? Нужна все равно еда?
Мысли гость прочитал
И отправил сигнал:
"Пища — нет. Пища — нет.
Вот спиртное — да".

О философии

Где-то в море, в районе Керчи,
Две селедки вздыхали в ночи:
"Жаль, с людьми у нас нет
Философских бесед.
Неужели мы только харчи?"

О поэзии

Тесновато в поэзии стало,
Ну а званий всегда не хватало.
"Наше все" лишь одно,
Быть с ним рядом должно
"Наше много". И "наше немало".

Валерий ХАИТ

Пора освежить воспоминания

— Вот как ты думаешь, кто самый остроумный человек в Одессе?
— Нас несколько...

В маршрутке.
Женщина дает деньги водителю. И так требовательно:
— Мне два рубля сдачи!
Он:
— Не волнуйтесь, я еще не выхожу...

В другой.
Пассажир — водителю:
— Мы вокзал проезжаем?
— А вы что, дальше поездом?..

— Между прочим, я уже два дня не пью... Вчерашний день не в счет!..

Милая женщина — руководитель какого-то благотворительного общества рассказывает о своей работе, о том, как трудно достать деньги... Воскликает:
— Каждый день бегаешь по городу с распростертыми объятиями!..

Болеющую много лет пожилую женщину проводит соседка. Прямо с порога говорит:
— Как хорошо, что вы не встаете с постели! Вы не видите, какой ужас у вашей дочки на кухне!..

— Мы — интеллигенты в первом приближении...

Женщина жалуется:

— Нет, какие все-таки мужчины бездушные! Вот я с мужем поскандалью и потом всю ночь заснуть не могу. А ему хоть бы что! Через минуту уже храпит.

Другая говорит:
— Потому что глупо. С мужьями нужно ссориться с утра, а не на ночь глядя!..

Они живут в одном городе. Случайно столкнулись на улице. Обрадовались.

— Когда мы последний раз виделись?
— Да лет сорок назад.

— Что ты говоришь?! А давай пожелаем друг другу через сорок лет опять встретиться!..

Когда он вернулся с работы, на столе его ждала записка от жены:
"Давно не была во Владивостоке. Пора освежить воспоминания..."

Их бабушка всю жизнь любила похвастать:

— А?.. Как бабушка почистила сковородку!..

В 68 лет впервые села за руль. Но характер тот же:

— А?.. Как бабушка сделала левый поворот!..

Останавливаю машину, открываю дверь:

Улица Довженко, пять гривен.
Водитель на секунду задумывается:
— Нет, это много... — и уезжает!..

Юрий БАЗЫЛЕВ Вкратцы

Корни

Законодательство имеет два корня: "за-кон" и "дать". Какой из них перетянет на весах Фемиды?

Эволюция

Все массовое одиночество, все коллективнее интим.

Будущее

Нас многое ждет.
Но еще большее поджидает.

Тайное

Ни врагу ни гу-гу,
Ни жене не-не-не.

Спешка

Впопыхах одни лихорадочно спешат,
Другие судорожно мешкают.

Игорь ИРТЕНЬЕВ В степи, где сумрачно и голо...

Два года назад в России была учреждена организация под названием "Еврейская община Монголии" (см. Газета № 03 (298), 15 января 2003 года)

В степи, где сумрачно и голо,
Где дует знойный сухой ветер,
Я встретил как-то раз монгола,
Он мне сказал: "Азохен вей!"
"Вейс мир, земля!" —

я ответил. —
Шма Исраэль, шолом шабат!
Тебя я очень кстати встретил:
Еврей монголу — друг и брат.
Хоть мы и не похожи с виду,
Хоть мы и разных рас сыны,
Но общую избыть планиду
Когда-то были рождены.
Недаром нам в былые лета
Принес скрижали Моисей,
Чтоб стали в области Завета
Мы впереди планеты всей.
Недаром мы во время оно
Совместно парились в плену
И, проклиная фараона,
Баланду хавали одну,
Мечту лелея о счастливом,
О светлом будущем, когда
Возбужнет над Улан-Авивом
Давида-батара звезда".

Михаил ВЕКСЛЕР Потомкам на пейджер

Девятое января. Ночь

Народ устал, народ отпраздновал.
В январском небе звездный сад —
Как будто пробки от шампанского
В открытом космосе висят.

Евпидокл Из древнегреческого

Время пришло рассказать вам
об этом достойнейшем муже:
Он никогда... иногда...
каждый день напивается дьюе.

Мудреное слово

Гетеросаксаул... гетероаксакал...
Гетеросексуал к гетере поскакал

Планета пуритан

Там на порносайтах
Сага о Форсайтах.

Хамелеон — по ситуации
Меняет секс-ориентации.

Дом ученых

Ба! С наружной стороны
Окна за-ре-ше-че-ны.
Может, это Дом ученых,
В госизмене уличенных?

Тишина

Как будто кто-то ватный
Бьет колокол набатный.

Из дневника писателя

Шерше
Сокровища
В душе
Чудовища.

Веселое четверостишие —
О том, что становится мой
Все выше и выше, и выше,
И выше порог болевой.

Больничные зарисовки

Ходят люди по палате
Прижимают попы к вате...

Хот-дог

Люблю бутерброды
И этой породы.

М.

Я художнику Шагалу
Тезка по инициалу.

Новости спорта

"Земля тряслась, как наши груди", —
Сказал поэт, провидец истый.

Вчера на льду сцепились судьи,
Их разнимали хоккеисты.

Основной инстинкт

У меня есть целе-
устремленность в теле.

Еще раз про любовь

Я вам звонил тогда по тел.
123-148
И, несмотря на то, что осень
Была холодной, потел.

Палиндромы

"Межгород"
Анна, вас саванна!

Татуировка на спине
Кич по копчик.

Самокритика
Я слепо пелся.

Фетишист
Лифчик-Фокич-фил.

Собака-водолаз
Аква-шавка.

Частушка

Я со всею силою
Обнимаю милую.
А ее объятие —
Как мероприятие.

Служба знакомств

Познакомлюсь с женщиной,
Которой не дам более
Тридцати лет.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ. Коммерческий директор Леонид РУКМАН.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы.
Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка:
компьютерный центр ТИА «Вікна-Одеса»
(тел. 23-13-60).

Регистрационное свидетельство N 508.
Тираж 1000. Заказ N _____.
Газета отпечатана в типографии «ВМВ».

Адрес редакции:
65014, Одесса,
ул. Марзалиевская, 7.
Тел. 724-01-35.
www.odessitclub.org.

